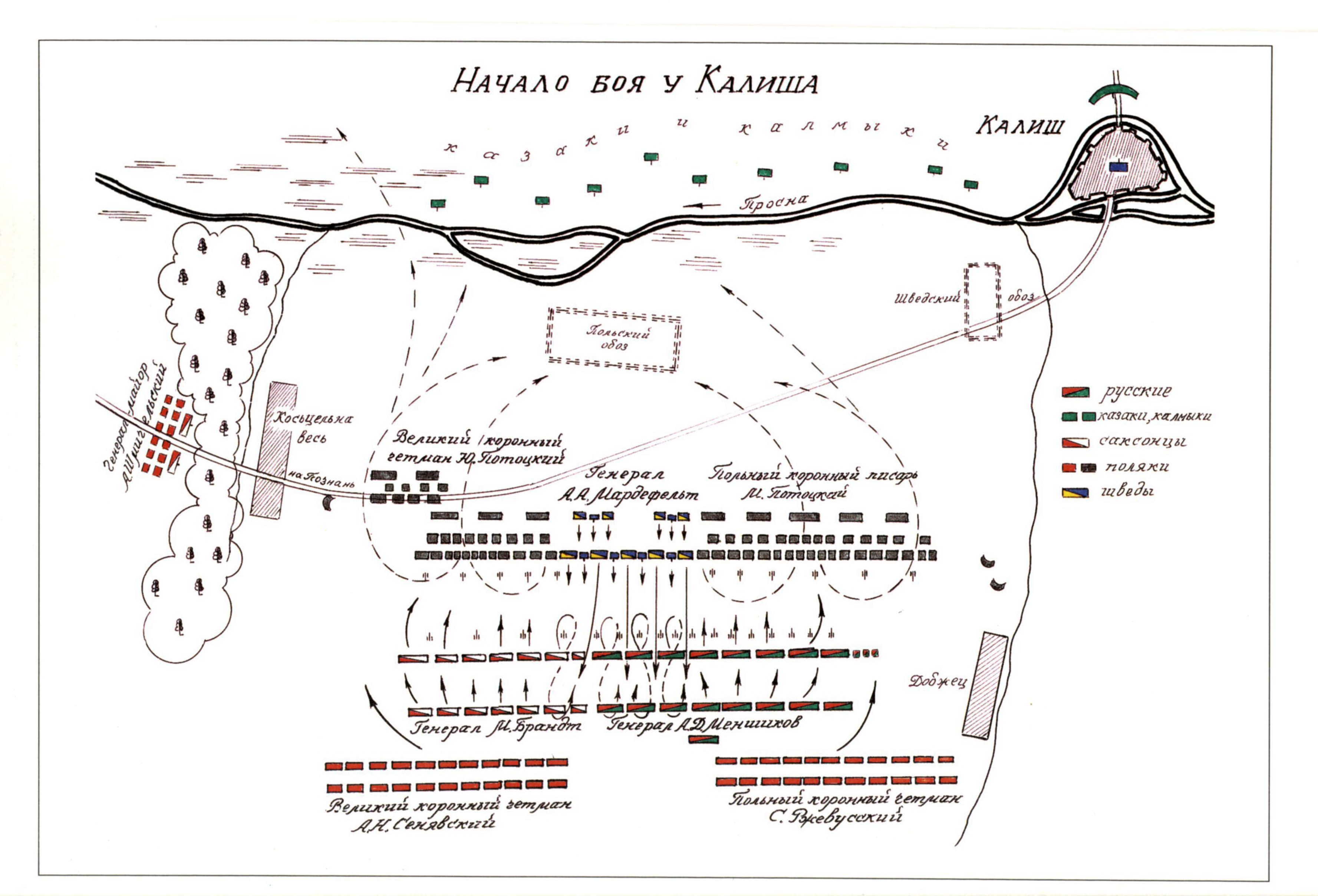
В.А. Артамонов

Калишская баталия

18 октября 1706 года

ЦЕЙХГАУЗ

Начало боя у Калиша
Калиш
казаки и калмыки
Просна
Шведский обоз
Польский обоз
Генерал-майор А. Шпигельский
Косьцельна весь
на Познань
Великий коронный гетман Ю. Потоцкий
Генерал А. А. Мардефельт
Польный коронный писарь М. Потоцкий
русские
казаки, калмыки
саксонцы
поляки
шведы
Добжец
Генерал М. Брандт
Генерал А. Д. Меншиков
Великий коронный гетман А. Н. Сенявский
Польный коронный гетман С. Ржевусский

«Дела Марсовы»

К 300-летию победы конницы генерала А.Д. Меншикова

Калишская баталия

18 октября 1706 г.

Москва • 2007

ЦЕЙХГАУЗ

УДК 629
ББК 39.42
А22

Серия **«Фонд военного искусства»**

Ответственный редактор
А.В. Малов

Макет, верстка
С.А. Игнатьев

Корректор
Н.И. Иванова

Руководитель проекта
А.В. Егоров

Издательство и автор благодарят В.И. Максимова за помощь в подготовке настоящего издания.

В.А. Артамонов
А22 Калишская баталия 18 октября 1706 г. – М.: ООО «Издательство «Цейхгауз», 2008. — 48 с
ISBN 978-5-9771-0079-3

Калиш – один из старейших городов на силезском пограничье Польши, в 120 км к юго-западу от Познани и в двух сотнях километров от Саксонии. В начале XVIII в. он насчитывал всего 1,5 -2 тыс. жителей. У этого городка в Великой Северной войне 1700-1721 гг. на поле боя вышло воинство в 50 тыс. чел. из четырёх государств. Самым поразительным было то, что русская победа у Калиша, как предвестница Полтавского торжества, произошла в то время, когда слава шведского оружия была в апогее.

«Калишская баталия» открывает серию книг «Дела Марсовы», посвященную европейским войнам куртуазного XVIII в. Эта эпоха, войны которой европейские историки называют «войны в кружевах», закончилась Великой французской революцией. Последняя решительно преобразила не только политическую карту Европы, но в конечном счете, – и характер сражений и войн, и сами сражающиеся армии.

Автор книги Владимир Алексеевич Артамонов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН, автор ряда книг и множества иных публикаций, хорошо знакомых как специалистам, так и любителям русской истории эпохи Петра Великого.

УДК 629
ББК 39.42

ISBN 978-5-9771-0079-38

ООО «Издательство «Цейхгауз».
115533, Москва, а/я 25
Тел.: (495) 776-97-46
E-mail: director@m-hobby.ru
www.zeughaus.ru

Подписано в печать 09.02.08. Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл.печ.л. 6,5. Тираж 2000 экз. Заказ 327

Отпечатано в ГУП ППП Типография «Наука» АИЦ РАН, г. Москва

Северный лев и русский орёл

За время «каролинского единовластия» (1611-1718) Швеция сколотила сильную абсолютистскую «империю», превратив Балтику в свою вотчину. Шведские короли, захватив устья Эльбы, Одера, Западной Двины и Невы, болезненно ущемили интересы нескольких государств — Ганновера, Дании, Пруссии, Речи Посполитой и «надели намордник» на Россию. С 1697 г. во главе многонациональной северной державы (кроме шведов там жили немцы, несколько угро-финских народов, латыши и русские) встал талантливый полководец Карл XII (1682-1718). К началу Северной войны Шведско-финское королевство вместе с прибалтийскими и немецкими провинциями насчитывало всего около 2,5 млн. человек. Это было меньше, чем у его противников — Датско-норвежской унии, Саксонии, Речи Посполитой и России. Однако Карл XII обрёл в наследство уникальную военную машину и самую боеспособную в Европе (и мире) 36-тысячную армию. Её сокрушительная сила в немалой мере держалась на протестантском вдохновении, прекрасной выучке шведского офицерского корпуса, неукоснительной дисциплине и храбрости его воинов-каролинцев.

Общепринятая линейная тактика XVIII в. делала ставку не на полевые сражения, чреватые кровавыми потерями, а на маневры, которыми «выдавливали» противника с театра военных действий. Приоритет в бою со времён «революции» в военном деле (1560-1660) давался огнестрельному оружию. Войска выстраивались несколькими шеренгами в тонкую длинную линию и огнём пехоты, пушек и конницы старались сбить противника с поля боя.

Шведская армия тоже придерживалась классического линейного порядка. Известно, что «новое — хорошо забытое старое». Карл XII, из героических скандинавских саг знавший, как побеждали его предки, ввёл победный новаторский приём, восходящий к временам берсерков. Начиная атаку, каролинцы, как викинги, «взрывались» яростью, мощью духа и неистовым натиском шпаг, штыков и пик они потрясали противника, и тот откатывался, не вступая в рукопашную. Пехота била огнём, только тогда, когда разброс пуль был минимальным — с 30 м. Шведские кавалеристы, имевшие два пистолета и карабин, опрокиды-

Д.К.Эренстраль. Портрет шведского короля Карла XII в юности.

Шведское оружие конца XVII- начала XVIII вв.

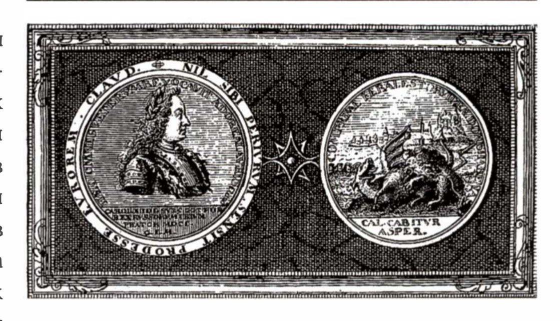
вали противника, как правило, устрашающим налётом — с выброшенными вперёд, наподобие пик, палашами. «Плуг» сверхплотной конной массы (ботфорты всадников заходили под колено соседа по шеренге) сметал противника с поля ещё до столкновения. Стрельба с коня не разрешалась. При такой тактике артиллерии, естественно, отводилась вспомогательная роль. Молниеносные «марши-прыжки» Карла XII захватывали врасплох врага. Так небольшое шведское войско стремительными ударами било превосходящие силы неприятелей. Чёткая организация подразделений, наработанный за сто лет военный профессионализм, порядок на маршах, стоянках и в бою стали залогом побед.

Доверие и любовь войск к своему юному монарху-полководцу были абсолютны. Король-спартанец не только делил с солдатами все тяготы, но был возбудителем энергии своих воинов. Он не бросал войска вперёд, но первый сам бросался в атаку. Протестантский мессианизм, беспрекословное послушание ко-

Медаль «шведский Геркулес разбивает головы северным союзникам». Бронза, чеканка

Шведская медаль на разгром русских под Нарвой. Над изображением льва, опрокинувшего дракона, латинская надпись: «Смири ярость неистового разбойника»

мандирам, умение без страха перестраиваться даже под огнём и вера в военное счастье короля сформировали «синдром победы» у всех шведов — от солдата до генерала. Каролинцы воевали с «неукротимым подъёмом» и верой в божественную поддержку, поскольку были убеждены, что бьются за правое дело против напавших агрессоров. Шведская пропаганда искусно раздувала ненависть и презрение к саксонцам и русским, цветасто расписывая «московитов» как зайцев, бегающих «нагими и босыми» от шведов, но якобы «тирански» забивающих пленных шведов дубьем и кнутами и бросающих их тела собакам [1].

Стратегия Карла XII была в определенном смысле не менее эффективной, чем тактика. Она била в ядро державной силы (столицу) противника. Казалось, скандинавский меч вершит судьбы народов и королевств. «Шведский Геракл» раскалывал палицей головы трёхголового цербера — так на шведских медалях изображалась борьба с датско-русско-саксонским Северным союзом. Десантом под Копенгаген в 1700 г. Карл XII выбил из войны Датско-Норвежское королевство. Захват Варшавы и Кракова в 1702 г. поставил на колени Польшу. Вторжение в центр Саксонии в 1706 г. вынудила польского короля Августа II отречься от короны и развалила польско-саксонскую унию. Позже его «русский поход» в 1708-09 гг. метил в сердце России — Москву: «северный лев» собирался расчленить Россию на отдельные феодальные княжества. Если прежние шведские

Атака шведской кавалерии. Скульптурная композиция в Музее военной истории, Стокгольм

Г. Кнеллер. Портрет Петра I, написанный в 1698 г. в Лондоне по заказу английского короля Вильгельма III.

короли «откусывали» по частям балтийские берега, то «последний викинг» превратил в зону господства почти всю территорию Речи Посполитой. Бои за окраины — за Лифляндию, Ингерманландию, Нарву, Дерпт, Орешек и Ниеншанц считались второстепенными.

Из-за неслыханной военной мощи Шведское королевство воспринималось русскими в начале Северной войны «гордым великаном Голиафом». Тогда в распоряжении царя Петра Великого было лишь «кондовое» поколение XVII века с неустойчивым «державным сознанием». «Ругодивская война» окончилась сокрушительным поражением. Под Нарвой 19 ноября 1700 г. наспех собранное, разношёрстное и необученное 35-тысячное русское войско, натерпевшееся от холода и голода, посаженное в заплывшие грязью траншеи было разгромлено десятью тысячами шведов и бежало в панике к Новгороду. В солдатской среде возникло суеверие, что шведы — это колдуны, которых не берёт пуля. Чтобы уничтожить «шведобоязнь», Пётр I принял за правило учиться военному делу у «шведских учителей» и выбрал верную тактику «натаскивания» численно превосходящих русских войск на шведские отряды. На поле боя эскадроны строились неплотными шеренгами, чтобы при неудаче имелась возможность развернуть коня. Отсыпка легких земляных укреплений стала сильной стороной русского военного искусства на весь XVIII век. Свершилось чудо: благодаря нечеловеческой воле и энергии Петра Великого русские в отличие от датчан, саксонцев и поляков, всего за 5 лет освободились от «шведобоязни» и шаг за шагом отвоёвывали Прибалтику.

Калишская победа русской кавалерии не была случайной — она была подготовлена комплексной реформой Петра I, коснувшейся всех родов войск, вооружения, тыла и военного производства. Служба в коннице на Руси, как и повсюду в мире, считалась престижнее службы в пехоте. На просторах Восточной Европы были нужны не тяжёлые кирасиры, а мобильные воины, способные биться и в пешем и в конном

Офицер драгунского полка с 1700 по 1732 гг.

Русский прапор, захваченный шведами в начале Северной войны

строю. С середины XVII в. роты «ездящей пехоты» – драгун, вооружённые, как и в Европе, облегченными мушкетами или карабинами и шпагами, усиливали огнём рейтар, копейщиков и гусар; драгунами выполнялись и сапёрные работы [2]. Петр I из трех видов конницы регулярного типа — рейтар, копейщиков и гусар — выбрал драгун, наделив их дотоле не свойственными им функциями конницы. Пришедшие на смену мушкетам более легкие фузеи, а также кавалерийские карабины дополнили парой пистолетов в ольстрах — седельных кобурах. Уже с 1700 г. в драгунские полки стали выдавать ручные мортирки с мортирными седлами по одной на капральство (позже — в гренадерские роты). Также драгун переобули в кавалерийские ботфорты. Такая унификация существовавших в России воинских «строев», как представляется, вполне оправдала себя.

Драгуны в Северную войну набирались из дворян, детей боярских, из служивых старых служб — пушкарей, воротников, рейтар и старых драгун XVII века. В драгунские полки попало немало бывших гусар, копейщиков и рейтар, имевших за плечами боевой опыт не только Крымских (1687, 1689) и Азовских (1695, 1696), но и Чигиринских (1677, 1678) походов. Новобранцев «натаскали» на шведов в Эстляндии, Лифляндии, Курляндии, Литве и Польше. Вновь сформированные регулярные конные полки уже не распускались, как прежде, а служили постоянно. Численность драгун была поднята до 20 тыс. чел. Всего с 1703 по 1 июля 1706 г. Разрядным и Военным приказами в драгуны было определено 23762 чел., в солдаты — 62563 чел. [3]

С 20 февраля 1705 г. в России в том числе и по Сибири, был объявлен рекрутский набор для «свейской службы». «Неоплошно» и «с великим поспешением» собирались по одному с 20 дворов «добрые, человечные, нестарые и неувечные» рекруты. Зачинщиков побегов приказывалось казнить, а при отсутствии таковых по жребию вешать каждого десятого беглеца. Холостую 15—20-летнюю молодёжь для конных даточных собирали с 80 дворов по 1 «одёжному» человеку с лошадью и ружьём. Для пропитания рекруту давалось на 1 месяц сухарей по 3 четверика (объём четверика — 26,25 л) и полчетверика круп [4]. К 1706 г. в России было сформировано 28 драгунских полков (в том числе и гарнизонных). На каждый полк драгун расходовалось ежегодно 15 тыс. руб. в год.

Фузелер драгунского полка с 1700 по 1720 гг.

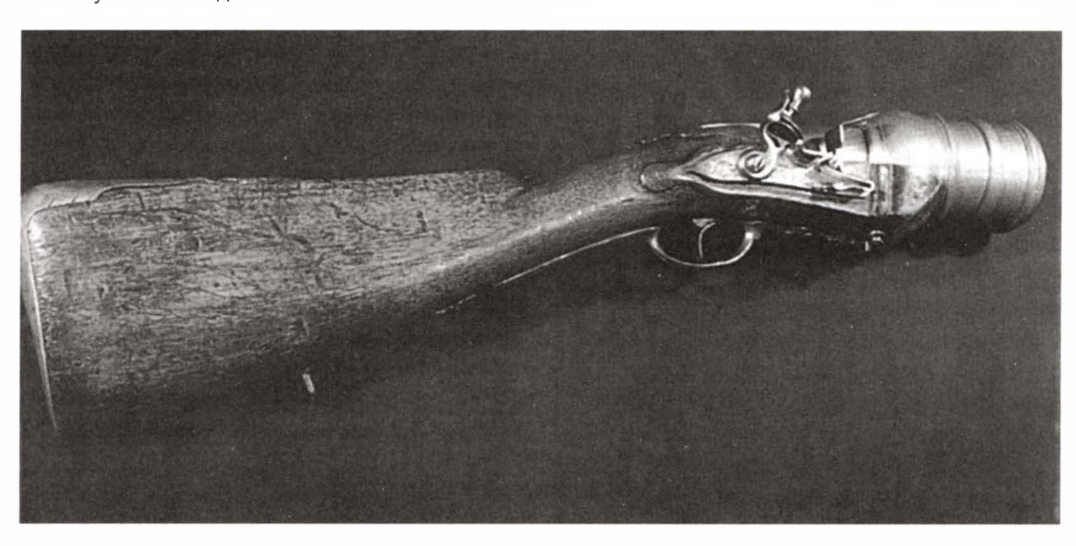
Палаш драгунский нач. XVIII в.

Историки по-разному реконструировали Калишское сражение в зависимости от имевшихся у них материалов. Военный историк, храбрый участник Отечественной войны 1812 г. и флигель адъютант Александра I Д.П. Бутурлин на основе работ И.И. Голикова, Г. Адлерфельда, «Марсовой книги», «Подённой записки» и писем Петра I дал ценное для своего времени описание победной битвы в обобщающем труде «Военная история походов россиян в XVIII ст.» (СПб., 1819-1823). Н.П. Волынский собрал богатый «свод источников» по Северной войне и конкретно по походу 1706 г. из документов Петра I и архивных данных, не ставя цель полного описания боя при Калише.

Специально Калишской битве были посвящены статьи двух польских историков. В XIX в. К. Яроховский, будучи неважным знатоком военного дела, без критического анализа использовав труды Адлерфельда, Нордберга и архивы Дрездена (но не польские) приписал победу генерал-лейтенанту Войска польского М. Брандту и полностью проигнорировал роль русского войска. В XX в. квалифицированный военный историк Я. Виммер в 1956 г., переняв основную концепцию Яроховского, составил схематичную картину боя (при полном игнорировании опубликованных русских источников XVIII в. и историографии XIX в.). Через 6 лет он привлек свежие польские и немецкие архивные данные и уточнил ход боя [5].

Богатейшие российские архивы — Древних актов (РГАДА) и Военно-исторический (РГВИА) позволяют подробнее осветить славную победу русского оружия в 1706 г.

Ручная мортирка с кремнёвым замком

Союзники России

После погрома русских под Нарвой Карл XII обрушился на польского короля Августа II — немца из саксонской династии Веттинов, казавшегося на тот момент самым сильным. Саксонское курфюршество с 1697 г. было соединено личностью короля со славянским польско-литовским государством. Саксония с площадью в 40 тыс.кв. км и населением в 2 млн. чел. была богатой сословной монархией с медными и серебряными рудниками, с развитой горной промышленностью, торговлей и ремеслом. По иронии судьбы польский король был прозван германцами «Сильным» не за таланты и волю, а за мускулатуру. При своём дворе он завёл такую же роскошь, как французский король Людовик XIV. Двуличность была натурой этого сибарита. Толстяк весом 121 кг при росте 176 см мог рвать подковы, был неплохим наездником, знал военное дело, разбирался в артиллерии и фортификации, любил танцы и сверх меры — «Венусовы плезиры» (ходили легенды о его 168 внебрачных детях). Но он напрочь был лишён полководческого дара, что продемонстрировал в 1695-1696 гг. в войне против турок в Венгрии [6]. Равнодушный к вере, он ради польской короны сменил протестантизм на католицизм и без согласия поляков в феврале 1700 г. осадил шведскую Ригу.

Казалось, неплохо вооружённая, обученная по европейским уставам 30-тысячная саксонская армия, могла стать достойным соперником шведов. Однако её низкая боеспособность определялась тем, что саксонские сословия и большинство жителей Рудных гор, Дрездена, Лейпцига, Мейсена, а также славянские сербы-лужичане не горели желанием платить налоги и проливать кровь за польскую корону. Вербовка в армию была насильственной и рекруты думали только о побеге. Офицерский корпус состоял в основном, из иностранцев. В Северной войне саксонские военачальники терпели только «позорные поражения» (Д. Дефо) и, по словам Меншикова, надеялись «носить военное иго... на одном русском хребте».

Луи де Сильвестр. Парадный портрет польского короля Августа II «Сильного»

Феодальная Речь Посполитая с середины XVII в. всё глубже погружалась в военный и политический кризис. Превышавшая Швецию почти втрое по населению 8-миллионная Речь Посполитая с площадью 733500 кв. км, была бессильна в военном отношении. Центральная власть была разорвана между королём, сеймом, магнатами и враждовавшими между собой гетманами. Польская шляхта не хотела ни воевать за выход к Балтике у устья Вислы и Западной Двины, ни платить налоги на войско, которое ходило в драных мундирах и голодало. Высшей ценностью господствующих сословий стала защита своих привилегий («золотых свобод») и самоизоляция от международных конфликтов. Безначалие, развал дисциплины и дезертирство привели к общей деградации военного дела. Сборное, как в Средневековье, Войско Польское состояло из наёмных частей, пешей крестьянской милиции, личных войск магнатов, мест-

Лёгкая польская кавалерия (по Б. Гембаржевскому)

казали явное стремление превратить Речь Посполитую в вассальное государство, польская шляхта, готовая «до горла» защищать свои «золотые вольности» от абсолютистских замашек своего короля, стремилась остаться вне войны.

Когда Карл XII в 1701 г. разбил Августа II у устья Западной Двины, шляхта потребовала вывода саксонских войск из Речи Посполитой. В 1702 г. шведы разгромили саксонцев и поляков у Клишова, в 1703 г. у Пултуска, в 1704 г. у Якобштадта и Пуница, в 1705 г. под Варшавой. Невыносимые контрибуции шведских «еретиков-протестантов» заставили поляков организовать 22 августа 1702 г. Сандомирскую конфедерацию («сандомиряне») в защиту «католической веры и свободной элекции», пытавшуюся посредничать между Августом II и шведским королём ради мира. Эту антишведскую партию поддерживала Россия [8]. В противовес ей 9 июля 1703 г. была организована Варшавская конфедерация, которая согласилась на низложение Веттина взамен мира со Швецией. Вплоть до

ных формирований воеводств и «посполитого рушения» — шляхетского ополчения, расцвет которого приходился на XV в. Время «кирхгольмских» побед в начале XVII в., когда решающий удар наносился тяжёлыми польскими гусарами, давно «кануло в лету». Боязнь шведской армии, привела к тактике уклонения от открытого боя и партизанским конным набегам, подобно степнякам и казакам. В линейных порядках почти не имевшие пехоты Коронная (13 тыс. чел.) и Литовская (3-4 тыс.) армии не могли сражаться. При общем вырождении вооружённых сил у поляков не было ярких полководцев, способных командовать большими массами войск. Некоторой боеспособностью обладали вербованные пехотные и драгунские части «немецкого» строя. Архаичная конница «народового строя» с «хоронгвями» (польск. — ротами)* по 50-200 чел. была подобна русской поместной коннице последних лет её существования [7]. При линейной тактике выставлять на поле польских жолнёров было так же рискованно, как кочевников. Силы шляхты поглощались не только гражданской войной, но и борьбой с повстанцами на Правобережной Украине. Хотя шведы по-

Поручик польской лёгкой кавалерии. Вторая половина XVII в.

* Польскую «chorągwa» не следует путать с однокоренным русским словом «хоругвь» – знамя.

1717 г. Речь Посполитая не могла выползти из гражданской войны, в которой надолго «увяз» и Карл XII. Ни саксонское, ни русское, ни шведское командование не доверяли полякам. Однако при полном военном превосходстве шведы не могли создать прочный тыл в Польше и превратить её в антирусский плацдарм. Шведский король-спартанец презирал саксонского толстяка-ренегата, но сбить польскую корону с Августа «Сильного» ему не удавалось.

12 июля 1704 г. шведский генерал-лейтенант А. Хорн согнал под Варшаву около тысячи великопольских шляхтичей, нескольких сенаторов и силой заставил признать новым королём покладистого вельможу Станислава Лещинского (1677-1766). (Современники считали этого короля за «невольника» или «младшего офицера» при Карле XII). Варшавский договор 28 ноября 1705 г. превратил шляхетскую республику в сателлита Швеции: оккупанты могли забирать рекрутов в Польше, вводить гарнизоны в города и вести там безпошлинную торговлю. Курляндию и польскую часть Лифляндии («Инфлянты») шведы собирались включить в состав своих владений, а Станиславу I передать Киев, Смоленск и Заднепровье. Сидевший на шведских штыках Лещинский был не в силах объединить Польшу. 15 тыс. его вооружённых сторонников («станиславцев») также были недовольны самовластием Карла XII, не проявляли особой верности к нему и, вступая в тайные контакты с русскими резидентами, заявляли о желании мира с царём [9].

«Шведская руина» — беспощадные контрибуции, грабежи костёлов, монастырей, склепов и систематические репрессии, в конце-концов заставили Речь Посполитую выступить против агрессора. Союзный русско-польский договор 30 августа 1704 г. обязывал не заключать сепаратного мира. Россия обещала отвоевать для Польши (или Саксонии) Лифляндию, дать Августу II 12 тыс. войск и ежегодно выплачивать 200 тыс. руб., если Речь Посполитая выставит 48-тысячное войско. (Так как это было заведомо невыполнимо, то русские субсидии были меньше. В 1704 г. было выплачено только 40 тыс. руб. на Коронное и 30 тыс. на Литовское войско).

Польские гусары и панцерники (по К. Линдеру)

Центром Северного союза и протектором Польши в то время стал русский самодержец. Всего за несколько лет нечеловеческая энергия и железная длань универсального гения Петра Великого подняла боеспособность Русской армии, хотя он не имел образцового военного наследства, полученного, к примеру, Карлом XII от Густава II Адольфа (1594-1632) и своего отца Карла XI (1655-97), или Фридрихом II (1712-86) от отца Фридриха-Вильгельма I (1688-1740).

На театре военных действий русские были таким же опорным стержнем для сандомирян и саксонцев, как шведы и немцы из германских провинций Шведского королевства для станиславцев. Русское командование, как и шведское, свободно перемещало свои войска по польской территории и не считало Польшу и Саксонию равноправными партнерами. Однако царь не собирался ни отторгать белорусские или украинские земли Речи Посполитой, ни разрушать шведское державное ядро в Скандинавии. После завоевания Ингрии, Дерпта и Нарвы он был готов пойти на мир, однако «свейская гордость и упёрливость» препятствовала этому: шведы требовали возврата всего завоёванного и компенсации в 4 млн. ефимков за военные убытки.

В ноябре 1705 г. на совете в Гродно Август II и Петр I собрались по весне взять шведов с двух сторон в клещи: с запада — почти 20-тысячным саксонско-русским войском фельдмаршала И.М. Шуленбурга и с востока из района Гродно — 40-тысячной Русской армией под командованием наёмного фельдмаршала, шотландского барона Г.Б. Огильви. Однако шведы опередили союзников. Когда в конце января Шуленбург начал движение из Саксонии в Польшу, 12-13-тысячный корпус генерала К. Реншёльда 2 февраля 1706 г. разгромил у Фрауштадта (польск. Всхова) саксонско-русское войско. Сражение оказалось недолгим — всего меньше часа. Саксонцы и перевербованные Августом II французы, швейцарцы и баварцы, (ранее попавшие в плен к австрийцам), бросив на землю 7 тыс. заряженных мушкетов, сдавались, падая на колени, или бежали, почти не сопротивляясь. (Две тысячи саксонских пленных шведы перебросили на Карельский перешеек воевать против русских). Для русских пленников была устроена бойня — пиками и шпагами закололи несколько сотен человек. Остатки русской пехоты укрылись в Саксонии, оставшейся почти беззащитной. Поражение настолько убило дух Августа II, что тот собрался обменять остатки своих ненадёжных солдат на датчан, с чем соглашался («хотя бы и меньшим числом») и Пётр I.

Тогда шведский король не использовал момент для вторжения в Саксонию. В зимнюю стужу 1706 г. Карл XII с 20-тысячным войском неожиданно появился под Гродно, решив пле-

«Карацена» – польский гусарский доспех из железных пластин, прикреплённых на толстую кожу. Рубеж XVII/XVIII вв.

К.Б. Растрелли. Бюст Петра Великого. 1723 г. Бронза

нить находившуюся там армию царя или уморить её голодом. Русскому командованию пришлось учитывать вероятность движения шведов на Москву.

Запертые за обледенелыми валами, 45 батальонов и 6 драгунских полков оказались на краю катастрофы. В «гродненском изнурении» солдаты, драгуны и жители гибли от морозов, «наготы и босоты». Из-за куска хлеба случались убийства. Умирали даже высшие чины армии (генерал Венедиер и бригадир Ридер). Больные и истощённые люди пытались бежать из города, но вязли, падали и гибли в сугробах. Войска пришли «едва не в последнее бедство». Урон в личном составе достигал 25 %, в лошадях — до 40% . (Шведы тоже страдали от нехватки продовольствия — они пиками отыскивали крестьянские ямы, куда ссыпалась рожь и ели зерно). (Возможно в феврале-марте у Карла XII уже созрела мысль напасть на Саксонию [10]. Август заклинал не выводить войска из Гродно, не верить слухам о будущем марше шведов прямиком на Москву, где те якобы организуют военную ставку и поднимут русский бунт. Король жаловался, что Шуленбург был «принесен в жертву» ради выручки гродненской армии: отсидевшись в Саксонии, тот мог бы со временем поднять боеспособность своих частей).

Похвальбу Августа II освободить гродненских страдальцев саксонской кавалерией и Коронным войском [11] не приняли во внимание и было решено вырваться из гродненской мышеловки. То, что шведы окрестили «постыдным бегством» [12] на самом деле было спасительным прорывом измученной армии. Меншиков, встретивший её через три дня, иронизировал над Карлом XII: «король шведцкой, сказывают, как уведал о выходе наших войск из Гродни, то таков был весел, что волосы на себе драл» [13]. 24 марта 1706 г. Русская армия, уменьшившись на 14 тыс. чел. через болота и половодье вырвалась из мышеловки, но её состояние после марша в несколько сотен километров было настолько плачевным, что поражённый саксонский генерал-майор и генерал-адъютант Йост Фридрих фон Арнштедт, писал своему королю, что она не восстановит боеспособность даже в будущем, а малейшие тяготы войны вызовут бунты в ней [14]. Саксонцы боялись, что армия царя вообще покинет Речь Посполитую. Но русский союзник не отказывался от основной стратагемы: «не дать выгнать» из Польши Августа II, который худо-бедно связывал руки шведам.

Ван Лоо. Парадный портрет польского короля Станислава Лещинского

Калишский победитель

Среди высшего командования Русской армии (А.С. Шеин, Ф.А. Головин, Б.П. Шереметев, Ф.М. Апраксин, И.И. Бутурлин, кн. В.В. Долгоруков, кн. А.И. Репнин) только кн. М.М. Голицын и А.Д. Меншиков встали вровень с запросами нового XVIII века.

Главным героем Калишской победы стал Александр Данилович Меншиков (6 ноября 1673 г. — 12 ноября 1729 г.) Фантастической карьерой лучший гвардеец Преображенского полка был обязан прежде всего своему таланту. Не зря на его гербе красовался девиз: «Доблесть ведёт, счастье сопутствует». «Господин мой товарищ» — так именовал Петр I своего главного сподвижника, который вместе с ним строил корабли, верфи, города, крепости, заводы и «всё государство правил» (Б.И. Куракин). «Полудержавный властелин» был таким же реформатором и генератором идей, как и сам Петр Великий. Его приказы, как и царские, подлежали безукоснительному исполнению. Второй человек царства имел карт-бланш с подписью государя и право менять его распоряжения, если было целесообразно повернуть их нужное русло. Лондонское королевское общество вполне обоснованно за заслуги в преобразовании России приняло бесписьменного самородка в свои члены. (Согласно последним исследованиям, Меншиков имел большую библиотеку и умел читать не только чертежи и планы городов, крепостей, но письма и книги [15]. Князь бегло говорил на голландском и «солдатско-немецком» языке. Позже царь разрешил ему издавать указы с использованием титула, близкого к царскому: «Мы, Александр Меншиков, светлейший Римского и Российского государства князь и герцог Ижорский, наследный господин Аранибурха, и иных Его Царского Величества Всероссийского верховный действительный тайный советник, и над войски командующий генерал-фельдмаршал и генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской и многих провинций Его Императорского Величества, кавалер Святого апостола Андрея и Слона, Белого и Черного Орлов, от флота Российского шатбенахт и прочая и прочая». Герои сражений награждались как золотыми финифтяными портретами царя, так и такими же портретами Меншикова. Семейные торжества Меншикова отмечались как государственные — на них съезжались послы и посланники [16]. В некотором отношении Меншиков превосходил даже своего гениального патрона: он был лишен взрывных эмоций и спадов настроения, которые случались у царя.

За его плечами были военные маневры в Кожухове в 1694, Азовские походы 1695-1696 гг. и служба в гвардейском Преображенском полку (с1691 г.). В мае 1698 г. «дворянин А.Д. Меншиков» возглавлял большую часть Великого посольства царя в Вену. Свою отвагу Меншиков доказал в кровавых осадах и штурмах Орешка-Нотебурга, Ниеншанца, Нарвы и в абордажном бою против двух шведских кораблей в устье Невы в 1703 г., за что он получил орден св. Андрея Первозванного. Нарва в 1704 г. была взята в определённой мере благодаря военной хитрости генерал-лейтенанта Меншикова: синие русские драгуны, схожие по цвету мундиров со шведами, устроили показной бой со своей пехотой, выманили и разбили часть нарвского гарнизона. После кампании 1704 г. он стал — поручиком гвардии и генерал-губернатором Ижорской земли (Ингерманландии) и Карелии. Тогда же царь запросил для своего любимца титул князя «Римской империи» у императора и позволил ему обзавестись собственной гвардейской бригадой — Ингерманландским пехотным и кавалерийским полком из дворянских недорослей, а также личным «шквадроном» из 330 драгун. На красных знамёнах конного полка Меншикова пылала основная эмблема князя — золотое сердце с короной над ним, окружённое двумя победными пальмовыми ветвями.

Любовь к коням князь наследовал от отца, служившего в царских «потешных» конюхах

К.Б. Растрелли. Бюст А.Д. Меншикова 1716-1717 гг. Бронза

и сам стал заядлым кавалеристом и коннозаводчиком [17]. Естественно, что в «Свейской войне» умевший и хотевший делать всё, «светлейший» прославился, прежде всего, как лихой кавалерийский командир. Правда, «Данилыч» не имел ни времени, ни возможности на одиночное обучение всадников или конных масс атакам на разных аллюрах в манежах и на пересеченной местности, как это делали позже блестящие прусские кавалерийские генералы Ф.В. фон Зейдлиц или Х.И. Циттен. Но, начав с круглого нуля «марсово дело», он ухитрялся бить шведских генералов, окончивших европейские университеты. Не на маневрах, а в битвах князь учил драгун прикрывать отходящих, преследовать врага и взаимодействовать с пехотой и артиллерией. Признавая разницу эпох, Меншикова можно поставить в ряд с наполеоновским маршалом И. Мюратом (1767-1815). Обладая такой же «наглой отвагой», он превосходил последнего сметкой и панорамным взглядом на военные и государственные дела.

За два десятка лет (1695-1714) проведённых на полях битв, Меншиков вместе с царём заложил основы регулярной пехоты и драгунской конницы, идеально приспособленной для просторов России, боёв в конном и пешем строю и для малой войны. С неограниченными полномочиями Меншиков мог делать больше, чем все кавалерийские генералы русской истории начиная от К.Э. Ренне (1663-1716)* и Р.Х. Боура (1667-1717) до М.И. Платова (1751-1818) и Ф.П. Уварова (1773-1824).

К 1705-1706 г. полководческое мастерство статного, ростом в 195 см, 33-летнего красавца-генерала развернулось в полную силу. 23 ноября 1705 г., в день св. князя Александра Невского, Меншиков заслуженно получил чин генерала от кавалерии и был награждён только что учреждённым Августом II орденом «Белого орла», имениями в Полонном и Орше, а также почётным шефством над саксонским полком Я.Г. Флемминга [18]. 21 января 1706 г. император Иосиф I подписал (но не отослал) диплом на титул князя Священной Римской империи.

Из песни слова не выкинешь — у выскочившего на вершину царства «римского князя» неуёмно раздулось честолюбие. По указу «Данилыча» его имя поминалось на молитвах в православных и лютеранских церквах Ингерманландии. Волевой и крутой как царь, князь не только умело подбирал помощников, но в бараний рог был готов свернуть любого, кто встал бы поперёк реформ. (Этим «прегордый Голиаф» вдосталь обрёл врагов, завистников и клеветников). Сверх всего князь был не только «зело лаком» до богатства, но буквально ненасытен — ради денег рисковал даже государственными интересами и своей головой.

Назначив Меншикова генерал-аншефом над всей кавалерией, Петр I поставил его вровень с фельдмаршалом Шереметевым, которому оставлена была российская пехота. Русское правительство, выплатив громадные суммы (по 4 тыс. ефимков в квартал), освободило строптивого Георга Бенедикта Огильви от «обер-команды» и тот уехал в августе 1706 г. из Киева к своему «государю-цесарю для лечения тёплыми водами».

Упустив весной 1706 г. Русскую армию, Карл XII выдавил отряды казаков из-под Минска и задержался у Пинска. Русская стратегическая разведка была налажена плохо. На случай, если бы неприятель вздумал спуститься водой на Киев, Меншиков распорядился устроить небольшую крепость с пушками при впадении Припяти в Днепр. Для прикрытия смоленского направления князь с драгунами с 22 мая начал напрасный марш через Чернигов и Гомель к Быхову. Возможно на такое решение повлияла шведская дезинформация: ещё в июне резидент при Августе II кн. Василий Лукич Долгоруков из Кракова механически пересылал Меншикову слухи из «ведомостей» то ли о марше Карла XII прямо на Москву через Быхов и Могилёв, «ища где слабее», то ли через Брест к Кракову против Августа [19]. Дальше Гомеля к счастью идти не пришлось. 22 мая 1706 г., когда Меншиков двинулся на север, Карл XII и Станислав Лещинский начали «Волынский поход» от Пинска к Луцку, заставляя шляхту беспощадными контрибуциями и арестами присягать Станиславу I. «Чёрный шлях» стелился за ними — это сжигались местечки, сёла и имения тех, кто противился шведам. Август II, боясь, что попадёт в тиски между Реншёльдом и Карлом XII, бежал из Кракова на север в Литву к Новогрудку.

6 июля в направлении Киева был отправлен поисковый отряд Смоландской кавалерии с валахами, который атаковал русские форпосты на Киевщине и пленил 200 человек [20]. Русское командование было почти уверено, что шведы вторгнутся Россию в 1706 г. Для защиты «матери городов русских» в Киев 5 июля прибыл сам царь. Киево-Печерский монастырь с его 219 пушками, 21 мортирой и 6 гаубицами превращался в сильную фортецию, а в городе наготове стояло 26 полков пехоты (26668 чел). От Пскова до Брянска спешно укреплялась оборонительная линия.

7 (18) июля «шведский Геркулес», рискуя обострить отношения с императором Иосифом I, Британией и Нидерландами, решил прикончить «саксонскую гидру» в «Священной Римской империи германской нации» — там, где она отращивала головы взамен отсечённых и от Луцка свернул на запад к Саксонии. Уже 26 августа (5 сентября) 1706 г. Карл XII стал грозить жестокими карами тем саксонцам, кто сбежит, скроет или закопает своё добро.

Когда угроза шведского вторжения спала, Пётр I увёл около 20 тыс. войск от Западной Двины для осады Выборга. Из Петербурга туда же было направлено 5 драгунских полков (5465 чел.). Его любимец в это время, не покладая рук, поднимал боеготовность конного корпуса. Конечно, образцовой выучки и дисциплины быть ещё не могло. Драгуны научились держать линию на конях и в пешем строю, отработали стрельбу из мушкетов и удар во фланг противнику, но с трудом перестраивались из походного в боевой порядок и вряд ли могли поворачивать, смыкая колено за коленом, как шведы. Караулы выставлялись «спустя рукава». Снабжённые в достаточной мере мукой, сухарями, гречкой и овсяной крупой, кавалеристы охотились по хатам на кур, гусей, ветчину и горилку. Негодных приходилось отчислять в солдаты. Помня поражение Б.П. Шереметева при Гемауэртгофе 15 июля 1705 г., где конница, в беспорядке бросалась в атаку с криком и гиканьем, генерал сумел вдолбить самое главное — атаковать строем без отрыва от пехоты. С конца июня 1706 г. в Фастове, потом в Полонном, Меншиков пополнял полки гренадёрскими ротами, ревизовал оружие, посещал больных, менял конский состав из конфискованного на Украине 6-тысячного поголовья (в каждом полку более 200 лошадей были негодны), следил за фуражом и, самое главное, делал то, что умел лучше всех — подстёгивал своей энергией (и венгерским токайским) «кураж» командного состава — будущих участников Полтавской победы — Ренне, Боура, Волконского, Пфлюга, Горбова, Астафьева и др. Вместе с тем князь, когда брал подряды на поставку обмундирования для драгун, не брезговал «содрать копейку» с подопечных — для одной из партий в 1000 мундиров он просил шить строевые кафтаны, камзолы и штаны не из плотного английского сукна ценой в 75 копеек аршин, а из самого дешёвого по 40 копеек и красить русскую сермягу — «непотребной краской», сходившей после дождя — берёзовым листом [21]. В 1705 г. Русская армия активно переобмундировывалась в «немецкое платье».

Драгунское вооружение всё ещё оставалось разнопёрым — сабли соседствовали со шпагами, палашами* и унтер-офицерскими тесаками, фузеи — с карабинами, а огнестрельное оружие — с копьями.** К фузеям полагались багинеты, которые с начала 1700-х гг. постепенно стали заменяться «кривыми багинетами» — штыками.*** Помимо личного вооружения в полки выдавались полковые регалии — знамёна и барабаны, шанцевый и хозяйственный инструмент — серпы, топоры, мотыги, кирки, заступы, котлы, палатки, слесарные и кузнечные инструменты. На полковые средства за свой счет приобретались необходимые служебные книги и церковная утварь. Для конного строя полагались большие тупоносые сапоги с раструбами и железными шпорами. За всем следили, слесари, кузнецы, мортирщики, лекари и коновалы. «Строение» каждого полка обходилось дорого — в 18-20 тыс. руб., годовое содержание — 10 тыс. руб. [22] Драгуны гренадерских (с 1703 г.) рот держали по две гранаты в сумах. Меншиков просил также выслать ему 300 драгунских шведских фузей, отобрав их у гвардии и разрешить ему самому раздавать жалованье и брать штрафы с провинившихся офицеров [23].

20 июля русская конница отправилась из Фастова на запад. Перед этим князь утвердил наставление «Артикул краткий», который поднял дисциплину и боеспособность. В походе воины должны были ежедневно просить милости Бога и не медля собираться на молитву и смотры. За попойки провинившимся грозил арест. Запрещалось обсуждать приказы, отставать от рот, спать на караулах, покидать посты, играть в кости, затевать свары и тайные сходки, распевать «скверные песни» и держать блудниц. Командирам предписывалось отдавать приказы «без стыдного ругания и бесчестных слов». При штурмах указывалось щадить женщин и детей, «разве что от генеральства для причины какой иное что приказано будет». Устрашающие наказания должны были предупреждать преступления: прогон сквозь строй предусматривался за воровство (за неоднократное — обрезание носа, ушей или виселица). За матерщину заставля-

Калмыки. Рис. XVIII в.

* С 1703 г. в драгунские полки казна начала поставлять палаши.

** В1702 г. в одном из драгунских полков упоминается пикинерская рота.

*** С 1700 г. к фузейным сволам начали приваривать трубки для багинетов.

лось просить прощения или гнать сквозь строй. За пьяные убийства — «гвоздить» на 1 час руку к виселице. За поджоги из баловства стогов и гумен, за уличные разбои, за пьянство ввиду врага, изнасилования, ското- и мужеложство — смерть. В бой предписывалось идти с «бодрым сердцем» и биться до последней капли крови [24].

Обладая развитой интуицией и как бы предчувствуя падение польского короля, Пётр I убеждал Августа II не ввязываться в крупные сражения, «чинить поиск» конницей, а не пехотой, и за два месяца до отречения того от польской короны обнадёжил, что сам собирается в Польшу. Август II просил дать ему под команду на Волыни 4 тыс. русских драгун, калмыцкую конницу и казаков Мазепы. Но Меншиков счёл, что отправлять днепровских казаков на Правобережную Украину, где поляков ненавидели, нецелесообразно: «от многого от них разорения на нас излишнее нарекание и нам как в провианте, так и конских кормах от них обида» [25]. Для подкрепления духа союзника русские силы преувеличивались: регулярных войск у Меншикова якобы было 20 тыс., нерегулярных 20 тыс., выборных казаков от Мазепы 5 тысяч, донцов и калмыков 5 тысяч, пехоты фельдмаршала Б.П. Шереметева, которая вышла из Киева четырьмя колоннами 19 (30) августа 30 тысяч, в Литву с генерал-майором Чамберсом отправлено 5 тысяч, в Полоцке стоит гарнизон генерал-майора фон Вердена в 8 тысяч [26]. Шереметеву было приказано не удаляться далеко от границ, чтобы не быть отрезанным, как случилось с армией в Гродно).

«Головоломный» австрийский план спасения Саксонии не был принят: из Вены предлагали — если русские подавят венгерское восстание Ференца II Ракоци, разгоревшееся в 1703 г., тогда император и его союзники позволят Дании послать против Швеции флот, который вместе с кораблями адмиралтейца Ф.М. Апраксина вынудит Карла XII отказаться от оккупации Саксонии [27].

В начале августа 1706 г. польский король встал на путь измены. Веттин давно боялся шведского вторжения в свои наследственные земли и потери саксонской короны. Проведав, что враг повернул в Саксонию, он 5 (16) августа дал полномочия своим двум дипломатам добиться сепаратного мира с Карлом XII даже ценой польского трона. Тогда же саксонский резидент в Киеве фон Арнштедт заявил начальнику Посольской канцелярии Г.И. Головкину, что если саксонское войско не получит русских денег, то будут приняты «иные поступки» [28]. Тем не менее криводушный король всё же надеялся, что русский корпус помешает оккупации Саксонии. 20 (31) августа Август настаивал на срочном марше самого царя вместе с пехотой к Дубно, конницы к Люблину и передачи ему не менее двух тысяч лошадей, драгун или рекрут. Одновременно он советовал навести мосты через Припять у Чернобыля, Турова, Пинска и Киева на случай отступления. В ответ на аресты шведами семей сандомирян, он просил захватывать семейства видных станиславцев, разорять их усадьбы, а также отдать ему пленных шведов для обмена их на пленных саксонцев.

В свой победный поход царский любимец, надо полагать, отправлялся на крыльях: 18 августа он обвенчался в Киеве с юной и знатной красавицей Дарьей Арсеньевой. Посажёным отцом на свадьбе и распорядителем брачного пира был сам царь, приказавший устроить по случаю торжества фейерверк. Через пять дней вместе с новобрачной генерал отправился в «свадебный марш» вслед за драгунами. (Дарья Михайловна не разлучалась с мужем и проделала с ним весь поход 1706-07 гг.). Конный корпус, который должен был «дать отдух» саксонцам и сандомирянам, насчитывал 8756 драгун. В каждом из 17 полков было в среднем по 500 драгун. К корпусу присоединили небывало много иррегулярных — 6 тыс. донских казаков и 4 тыс. калмыков, захвативших с собой верблюдов. Длиннокосых ламаистов впервые должны были увидеть поляки. (Польный литовский гетман Г.А. Огинский 1 июня 1706 г. просил на помощь именно калмыков, как наводящих больший страх на противника).

Выбора для стратегического использования конницы в позднее предосеннее время не было — она посылалась для «диверсии», чтобы «Сильный» Август не был потерян для Польши. (Англичане и голландцы, боясь, что «северный огонь» перекинется в «Римскую империю», уговаривали послать русских драгун

против рижского губернатора и генерал-аншефа шведских войск в Лифляндии, Курляндии и Литве А.Л. Левенгаупта. Тот, по слухам, из района Ковно, якобы собрался маршировать в Великопольшу для удара в тыл Меншикову. В связи с этим европейские дипломаты советовали не рисковать глубоким рейдом на запад, а прочнее закрепиться в Лифляндии. Шафиров тогда же писал царю, что дипломаты морских держав боясь, что Карл XII силой принудит Августа II примкнуть к Швеции, занимают антишведскую позицию и надеются, что «диверсия» Меншикова заставит шведского короля оставить земли Империи в покое.

Впервые русские войска отправлялись так далеко на запад. За шведским королём следовали на почтительном расстоянии. Все военные историки высоко оценивают дисциплину и выносливость каролинцев, однако психическая и физическая закалка русского воина была не меньшей — всего за одно украинское лето была восстановлена боеспособность конного корпуса. После гродненской блокады и марша к Гомелю степной путь в девять сотен километров в жару, без палаток, при безлесье и безводье был стойко выдержан, хотя многие из драгун пострадали от солнечного удара. (Этот марш в целом оказался легче, чем 550-километровый Прутский поход в июне-июле 1711 г. от Киева до Прута). Исключением стал бунтарь поручик князь Василий Кропоткин, о котором Меншикову пришлось писать к царю. Он разбойничал, избил ксендза, а в итоге ушёл к шведам. Валашские отряды шведов на Галичине разоряли сёла перед наступающим корпусом. Пропитание приходилось добывать с полей. В июле полный рацион получали только старослужащие, рекруты шли впроголодь. Традиционно «беззапасные» казаки и калмыки кормились грабежом, «чинили разорение и вырубали жидов», население разбегалось перед ними. Первое нашествие калмыков поразило поляков: они облачались в церковную одежду, пили из костёльной утвари, и, случалось, насиловали женщин в виду войска. Вместе с тем, иррегулярная конница не только охраняла и вёла разведку, но и прикрывала плотной «завесой» движение корпуса, препятствуя узнавать его силы. «Шкода» от калмыцких и казацких партий, рассыпавшихся вдоль маршрута, вызвала бурю протеста и поляки грозились расправляться с ними. Русскому командованию пришлось одного из пойманных мародеров четвертовать, двух повесить, а в Сандомире был повешен сам «калмыцкий атаман» вместе с калмыком и казаком [29].

Калмык и казак. Рис. XVIII в.

Соперник русского генерала

Шведское командование близоруко пренебрегло русским наступлением. Для отдыха в беззащитной Саксонии Карл XII забрал с собой всю армию с фельдмаршалом К. Реншёльдом, рискуя потерей контроля над Польшей. (Первый министр и начальник полевой канцелярии К. Пипер советовал послать в Саксонию Реншёльда, а Карлу XII остаться на месте). Не в середине, а у крайнего пограничья Польши по р. Варте, шведский король оставил сколоченный по «остаточному принципу» почти 5-тысячный наблюдательный корпус генерала Арвида Акселя Мардефельта (1660-1708).

Получивший этот чин всего лишь в январе 1706 г., барон Мардефельт был честным и храбрым служакой, но не мог сравниться ни с К. Реншёльдом, ни со М. Стенбоком. С 17 лет Мардефельт поступил в королевскую лейб-гвардию, в 1697 г. стал полковником Зюдерманландского полка, участвовал в шести сражениях в Западной Европе и Польше, в том числе под Фрауштадтом, где командовал центром [30]. Однако этот дебелый человек был серьёзно нездоров — в 46 лет, страдая астмой и подагрой, он называл себя «больным стариком», предчувствовал свою смерть и умер в Познани через два года после Калишского сражения. Попав в плен, он безнадёжно смотрел на себя: «Я сказал королю (Августу II — В.А.): чтобы удовлетворить как-нибудь русских, пусть король лучше оставит меня в их руках, лишь бы другие пленные были освобождены. Русские будут довольны иметь в плену у себя командующего. А ведь я стар и болен и могу скоро околеть (!), так что они ничего не получат за меня» [31]. Скверное здоровье не могло не сказаться на чёткости восприятия Мардефельтом военной обстановки и на ошибках, стоивших ему потери сражения. В своё оправдание он составил «Реляцию о том, что происходило в Польше после того, как Его Королевское Величество пошёл 14 августа [шв.ст.] от р.Варты в Саксонию и каким образом на самом деле проходила акция под Калишем».

Перед шведскими полками у Вислы жались 112 лёгких хоронгвей конницы «киевского воеводы» Юзефа Потоцкого (1673-1751), В 1706 г. тот был назначен Станиславом Лещинским великим коронным гетманом и подавлял восставших казаков на Правобережной Украине. Его военная квалификация не превышала уровень обычного полковника. Всего тогда на стороне Лещинского было около 15 тыс. поляков, находившихся в неустойчивом состоянии. Казалось, что станиславцы брошены на произвол судьбы. Но 1706-07 годы приходились как раз на пик военной славы Карла XII. Исходя из опыта «польской войны» в 1702-06 гг., шведский король не сомневался, что снова станет хозяином Польши, как только вернётся обратно. По сути, «наблюдательный корпус» оставлялся как тыловой заслон и символ шведского контроля над шляхетской республикой. Воспрепятствовать же соединению Августа II, сандомирян и Меншикова Мардефельт не мог и не собирался.

В это время круживший по Польше в карете под охраной саксонских гвардейцев король-беженец, (находившийся тогда под Краковым с примерно 6 тысячами саксонцев и 10 тысячами поляков), даже не думал выставить щит перед Саксонией и укрылся на северо-востоке у Новогрудка, обогнув слабый шведский отряд у Бреста. Когда 11 сентября 20-22 тысячи шведов (вместе с несколькими хоронгвями Лещинского) перешли границы Саксонии, то это курфюршество, в отличие от России, Польши и Литвы, сдалось «не боронясь». Саксонские протестанты не заперлись в городах и замках, не стали партизанить против единоверцев и отвергли план Флемминга и Шуленбурга «ломать свои дома и сады». Дрезден и Лейпциг лишь вздохнули с облегчением, когда освободились от страха обстрела и штурма. (О русской тактике «выжженной земли» не могло быть и речи, но Пётр I выражал недоумение, почему такой крепкий город, как Лейпциг без боя сдался «нечеловеколюбимому неприятелю». 4 тыс. поспешно собранной генералом Шуленбургом резервной милиции сбежало на запад под защиту имперских войск. Ещё до вторжения Карла в

Саксонию тайный советник на русской службе И.Р. фон Паткуль предложил отдать русских императору Иосифу I в гарнизоны Рейнской области [32].

13 (24) сентября в замке Альтранштадт под Лейпцигом К. Пипер и К. Реншёльд, продиктовав саксонским дипломатам «вечный, твёрдый и истинный мир и дружбу» для Августа и его наследников, «освободили» Польшу от «саксонского ярма». Посланцы Веттина ради спасения польской короны предлагали даже союз против Москвы, расчленение Речи Посполитой на Корону и Великое княжество Литовское и признание Лещинского королём после смерти Августа. Но и без этого им пришлось пойти на неслыханное унижение: «воскреситель счастья Польши» навечно должен был отречься от польского трона в пользу Станислава I, которого он признавал «державнейшим принцем, братом, другом, соседом и королём Польским и Великого княжества Литовского», освободить шведских пленных, разорвать «святой нерушимый союз» с Россией и выдать в качестве военнопленных остатки войск царя, проливавших кровь за Августа. Вся шведская армия должна была содержаться на саксонских харчах. Военные действия в Саксонии прекращались немедленно, а в Речи Посполитой — спустя три недели. Не была забыта и подстраховка — в случае мести царя, Август получит помощь от Карла XII и Станислава I. «Вечный мирный трактат» был замаскирован под «10-недельное перемирие», пока не будет получена ратификация. Только через три года Полтавская победа освободила Польшу от шведской оккупации, а Саксонию от Альтранштадского унижения). И Карл и Лещинский направили сообщение Мардефельту и Потоцкому не вести враждебных действий против саксонцев [33].

В шведском универсале от 14 (25) сентября и универсале от имени Августа II 16 (27) сентября заявлялось об окончании военных действий и об отношении друг к другу «во благости и чести». В Дрездене по случаю мира служили молебны и пели гимн «Тебя, Бога, хвалим». На памятной медали Карл XII и Август II пожимали руки друг другу. С этого времени дипломатия Августа свелась к особо виртуозному обману шведов, русских и поляков.

В Европе поход Меншикова, который мог оттянуть шведских победителей обратно в Польшу, воспринимался с сочувствием. В Вене гадали, куда двинутся русские: в Силезию, Саксонию, шведскую Померанию или Лифляндию,

Поход А.Д. Меншикова в Польшу в 1706 г. (Рис. авт.)

или за поздним временем они останутся в Польше для окончательной ликвидации станиславцев. Пруссия предлагала царю, оставшемуся один на один с Карлом XII, пойти на мир, отказавшись от всех завоеваний в Прибалтике[34]. Использовать шведское вторжение в Германию как повод для вступления России в антифранцузский Великий союз не удалось — страна не обладала тогда достаточным военным и политическим весом. Из дипломатических соображений Петербург предложил признать того польского короля, который удержится в Польше после вывода как русских, так и шведских войск.

16 (27) сентября русские, поляки и саксонцы соединились около Люблина. Через три дня состоялся общий смотр с пушечным и ружейным салютом. После «веселья» Меншиков поиздевался над «оголодавшим» монархом: «королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами наодине у меня просил, понеже обнищал так, что есть нечего... Ево скудость видя, я дал ему своих денег 10 тысяч ефимков». На деле Август II получил от него 6 тыс. ефимков; 10 тысяч князь рассчитывал компенсировать из казны [35]. Меншиков знал, что у Мардефельта меньше войск, чем у него, однако он должен был считаться с вероятностью помощи Карлом XII из Саксонии. Отвлекающий марш А.Л. Левенгаупта с 20 сентября (1 октября) из Курляндии на Ковно и Вильно (и далее, по слухам, на Полоцк) не мог спасти Мардефельта. Князь сообщал, что совместный поход будет до Познани и что шведский король оставил в Польше 4 тыс. конницы и 4 тыс. пехоты, которые он собирается атаковать. Уход шведского короля в Саксонию взбодрил и сандомирян — великий коронный гетман А.Н. Сенявский сообщал Петру I о желании биться со шведами. 23 сентября союзники подошли к Висле, отбросили заслоны «шведских поляков» и переправились через эту реку. Взятые в плен две рейтарских хоронгви князя Любомирского присягнули Августу II.

Мардефельт выслал тревожные депеши своему королю о приближении крупных сил противника, но не получил ответа. Станиславцы укрылись за отряд в 450 чел. драгун Северо-Сконского полка, выставленных к Пётркуву для сбора контрибуции, провианта и наблюдения за наступающими. Из-за «завесы», устроенной казаками и калмыками, ни шведская, ни польская разведка так и не выяснила силу со-

Юзеф Станислав Потоцкий (1673-1751) великий коронный гетман на стороне Станислава Лещинского в 1706-1714 гг.

юзников, о которой им пришлось узнать только в день Калишского сражения. Шведские драгуны, соединившись с конницей Ю. Потоцкого у Велюни, отступили к Калишу.

С 27 сентября в районе Пётркува концентрировались русские, саксонские и польские силы. Отсюда они уже наскоро без обозов (летучим корпусом — «корволантом») продвигались тремя колоннами — поляки справа, саксонцы посредине, русские слева. Против отступавших станиславцев Меншиков послал трёхтысячный авангард генерал-лейтенанта К.Э. Ренне. (К нему присоединилось и 30 хоронгвей сандомирян). Перед авангардом были пущены все 10 тыс. калмыков и казаков. 3 октября вечером у р.Варта при г. Видаве калмыцкая конница на низкорослых лошадках, вооружённая пиками с широкими наконечниками, саблями и луками бросилась к польскому обозу, «не дождався драгун», выманила и навела на засаду 3 тысячи станиславцев. Правое крыло Ю. Потоцкого «из 10 полков» было разнесено в пух и прах и всё его войско в беспорядке бежало. По данным перебежчиков, за трёхчасовой бой тот потерял до 600 человек и якобы собрался через Калиш уходить к Познани. Калмыки, потеряв до 30 чел. ранеными и убитыми, показали явное превосходство над поляками. Несколько десятков пленных были распластаны калмыцкими саблями по приказу Меншикова:

«А которые были взяты драгуны и рейтары, и тех всех калмыки после той потребы прирубили, понеже о том такой указ им от нас был дан... Перемётчики сказывали, что подлинно в тое потребу убито 600 человек драгунов и рейтар, в том числе несколько офицеров, понеже такая в их войске конфузия была, что ежели бы драгуны наши подоспели, то б конечно всех прирубили. А поляков всех числом было 13 000 человек» — писал, преувеличив силы врага, Данилыч 7 октября 1706 г. [36] Практиковавшейся тогда всеми воюющими сторонами расправой с пленными, Меншиков, возможно, намеревался сбить гонор с приверженцев Лещинского. Успех под Видавой укрепил уверенность русской кавалерии в своих силах. Зная, что у шведов есть инфантерия, Меншиков, тем не менее, не собирался ждать русской пехоты, которая вышла из Киева 19 (30) сентября и находилась тогда за полтысячи километров, в районе между Дубно и Полонным. Примерно в тогда же Меншиков проведал о 10-ти недельном «перемирии» саксонцев со шведами, что привело его в «сомнение».

В день калмыцкой победы 3 октября у Мардефельта состоялся бурный военный совет. Разногласия вспыхнули по поводу боеспособности поляков. Генерал-майор Э.Д. Крассау, и полковник В.Б. Мюллер предлагали разбить вместе с ними противника, учитывая «равно низкую боеспособность одной и той же (славянской — В.А.) породы» и привычность поляков к боям с «московитами». Три полковника — Маршальк, Густав и Карл Хорны, учитывая перевес врага, говорили, что поляки ненадёжны и могут предать в бою. Великий коронный гетман Ю. Потоцкий, взбодрённый вестью, что противник идёт без пехоты, заверял, что поляки кипят желанием сразиться с русскими и будут стоять «до последней капли крови», тем более, что в обозе у них жёны и дети. Мардефельт корректно указывал, что поляки «не всегда стойки» и возможно, имеет смысл отступить к Познани, где стоял Вестерботтенский полк с полковником Функом. В конце-концов, Мардефельт, уповая на всегдашний успех шведского оружия в полевых боях, решил дать сражение. Оправдывая ставку на бой, в котором потерпел поражение, Мардефельт в своём «Отчёте-рассказе» 17 раз (!) упомянул о польских заявках на баталию.

Тогда же 3 октября, за две недели до Калишского сражения, Август II узнал о шведском диктате 13 (24) сентября 1706 г. и принял «мерзостный и поносный от всего света мир» (так позже квалифицировала его русская дипломатия. Наступление для него становилось не только бессмысленным, но опасным из-за ответных шведских расправ в Саксонии. Казалось, для короля приспело время скрытно покинуть союзников, но улизнуть из кольца русских и поляков незаметно (в 1708 г. подобное удалось Мазепе) было невозможно. Оставалось только замедлять движение. Нет сомнения, что именно Август подкинул мысль отпустить «на отдых» русскую конницу ко Львову, а саксонскую к Кракову. 7 октября Меншиков послал (вместе с 20 бочками токайского) царю депешу: «Мы здесь будем стоять ещё неделю, и буде неприятель сего далного от нас походу не оставит, то пойдём на зимовые квартиры, понеже время своих людей, также и лошадей покоить...» [37]. Царь тоже остерегал от чрезмерного удаления от русских рубежей, т.к. кружили слухи о специальном заманивании русского корпуса. Будучи в «великой печали» от оккупации Саксонии, Пётр I тоже начал сомневаться, что коннице удастся сделать что-либо серьёзное в Польше и предлагал пехоте идти в Литву, чтобы вытеснить Левенгаупта в Лифляндию и занять квартиры у Риги.

9 (10) октября Мардефельт получил весть от Реншёльда с упоминанием о долге и славе генерала, из чего был сделан вывод, что шведский король не особенно беспокоится об оставшихся в Польше и не желает отступления. 10 (21) октября Ю. Потоцкий* провёл пышный смотр польских сил и продолжал настаивать на сражении.

Лишённый польской короны саксонец как мог, тянул с развязкой и сдерживал движение. 10 октября, чтобы предотвратить столкновение, Август II тайно заслал к Мардефельту вестника-трубача с оповещением о мире с Карлом XII. Он сокрушался, что «ничего не может поделать с московитами, которые намереваются драться во что бы то ни стало» и предлагал отступить перед соединёнными союзниками. Шведскому командующему тайная подсылка показалась подозрительной — он счёл, что Август, боясь шведов, всегда громивших превосходящие силы врага, пытается примитивной хитростью выдавить его из Польши [38]. Его ответ гласил, что не имея сведений о мире, он должен следовать приказам своего короля, а не советам врага.

Перед «счастливой баталией»

Линейных войск у Мардефельта было 6 батальонов и 23-26 эскадронов. Этот корпус был набран почти исключительно из немцев. В нём находилось три полка немецких драгун, набранных из германских владений Швеции — Бременский полк генерал-майора Ернста Детлефа Крассау, Верденский — полковника барона Карла Густава Маршалька и Померанский — полковника барона Мюллера фон дер Люнен. «Природно-шведским» был только Северо-сконский кавалерийский полк полковника Густава Хорна из Мариенборга.

Пехота состояла из Померанского полка (полковник Карл Габриэль Хорн из Оминне), а также из разношёрстных вояк, сменивших трёх государей — Баварского полка (полковник Генрих Вильгельм Гёртц), батальона швейцарцев и батальона французов. Все они были пленены австрийцами в войне за Испанское наследство после сражений при Хохштедте в 1703 г. и на Рейне в 1705 г., перевербованы в Саксонскую армию, а потом, сдавшись Реншёльду под Фрауштадтом включены в шведский корпус по «остаточному принципу». «Их скверного товарищества следовало опасаться» — такую характеристику выдал им Мардефельт. Часть этих переметчиков вообще не имела ружей, мундиры были изодраны, армейской амуниции недоставало. Артиллерия шведского генерала состояла из десятка 3-6-ти фунтовых пушек.

Переход из разорённой Польши на саксонские хлеба все шведы считали наградой. По мнению Мардефельта боевой настрой его полков не был высоким: «После того, как Его Королевское Величество ушёл, оставшиеся в Польше части проявляли большое недовольство, а некоторые впали в глубокую подавленность, так как сочли, что к ним Его Королевское Величество относится с некоторым пренебрежением, отсортировав их как негодные. Об этом особенно свидетельствовало то, что недавние пленные перевербованные пехотинцы были тоже оставлены здесь... и если эти части будут потеряны, Его Королевское Величество не слишком взволнуется. В особенности это задевало сконцев — единственных из... природных шведов» [39].

Чтобы «шведская спесь не высилась» Меншиков, вопреки Августу, продолжал тянуть всех к Калишу, в районе которого по данным его разведки находилось до 8 тыс. шведов и 15 тыс. станиславцев [40].

12 (23) октября Мардефельт отошёл за р. Просну и 13 октября получил не только информацию Карла XII о мире с саксонцами, но и разумный совет уйти пехоте в Познань, а кавалерии, если неприятель будет наседать, отступать вплоть до Лужицкой земли в Саксонию. Мардефельт в свое оправдание позже писал, что не мог бросить обременённое повозками и каретами польское воинство, учитывая, что не имевший обоза и пехоты противник, будучи наверняка осведомлённым поляками из табора Потоцкого, «день и ночь сновавшими туда и обратно», легко

Драгун и унтер-офицер. Конный драгун изображает Августа II в польском мундире (по Б. Гембаржевскому).

Адам Николай Сенявский (1666-1726) – один из вождей Сандомирской конфедерации, участник войн Яна Собеского, с 1692 г. – воевода бельзский, в 1702-1706 гг. – польский гетман коронный, великий коронный гетман с 1706 г.

накроет их, пройдя через броды на Просне. Станиславцы к северу от Калиша на левом заболоченном берегу Просны составили вагенбург из телег, выкопав вокруг неглубокий ров и забросав колёса землёй. 200 или 300 шведов-драгун было переправлено в Калиш. Для шведского обоза там не нашлось места и тысячи повозок пришлось большей частью оставить вне города.

15 октября, когда Меншиков оказался в 2,5 милях от шведов, Август II через второго посланца выложил Мардефельту всё, что можно: силы союзников, день нападения, угрозу с тыла отряда генерал-майора А. Шмигельского*. Поляки называли его «польским Ахиллом и Гектором»). Под конец Август заклинал отступить к Познани не позже двух суток, когда еще можно было удержать русских от удара [41].

Правило «предупреждён — значит вооружён» не сделало Мардефельта сильнее. Отступать было уже почти невозможно. 16 (27) октября Потоцкий с несколькими десятками хоронгвей предпринял неуверенную разведку, но не пройдя сквозь конные заставы, без боя вернулся назад, так и не узнав сил противника.

17 (28) октября союзники перешли неглубокую Просну, согласовали расстановку полков и встали в боевой порядок в 5 км к югу от Калиша. С севера город блокировали иррегулярные части. Часть поляков переправилась только на следующее утро, в день битвы. Мардефельт выстроил войска за ручьём, протекающим через д. Добжец, фронтом на юг и с опорой левого фланга на Просну. Всю ночь обе стороны простояли в боевой готовности. О неожиданной ночной или утренней атаке противники не думали: Мардефельт начисто лишённый тактической дерзости Карла XII, отдал всю инициативу противнику, Август II до последнего сдерживал Меншикова.

Утром 18 октября союзники провели военный совет, после которого, несмотря на проволочки Августа, несколько часов двумя колоннами перемещались на более выгодную западную позицию, перед которой не было водных преград. 10 тыс. казаков и калмыков, блокировали тыл шведов за правым болотистым берегом Просны и с востока от Калиша. Загнанный в угол Мардефельт развернул 3-километровый фронт между деревнями Косцельна Весь и Добжец лицом на запад, тылом к Просне, сдав всю инициативу противнику. После этого шведские военачальники «более ничем не занимались, как выправляли линии и вдохновляли людей, которые были в хорошем расположении духа» — так оправдывал своих воинов шведский генерал.

Единого командования у союзников не было. Август никогда не управлял войсками в бою. Отрешённый шведами от короны, он формально не имел права начальствовать над ними. Распоряжение саксонцами он вручил генерал-лейтенанту голштинцу М. Брандту, нанявшемуся в Коронное войско в 1692 г. и успевшему слегка повоевать с турками, татарами и шведами. Чтобы не создавать впечатления полного отстранения от боя, Август, вопреки обыкновению, сменил одежду и выехал на поле рядовым наездником. Спасая постфактум престиж короля, некоторые тогдашние фантазёры писали, что якобы тот рвался в самые опасные места, чтобы смерть избавила его

* Адам Шмигельский (ум. в 1715 г.), сражался под Хотином в 1673 г., участвовал во всех кампаниях Яна Собеского и был сторонником Августа II с 1697 г. являлся организатором партизанской борьбы со шведами в Великопольше.

Казимир Ян Сапега (ок.1641 - 1720), с 1681 г. – польный гетман литовский и генеральный староста Жмудский, в 1682-1703 и в 1705-1708 гг. – великий гетман литовский и воевода виленский.

от Альтранштадского позора [42]. Но саксонский бонвиван слишком ценил свою плоть, чтобы очертя голову бросаться под пули.

Сандомирянами командовал великий коронный гетман Адам Николай Сенявский, один из руководителей Сандомирской конфедерации, амбициозный, но посредственный военачальник. Де-факто главным командующим (в этом качестве он выступал впервые) стал инициатор Калишской баталии — А.Д. Меншиков, который, надо думать, выезжал на поле с полной верой в победу. Будучи на 13 лет младше Мардефельта, русский генерал не уступал тому в военном опыте. Как указывалось, он участвовал с 1696 г. в осадах и штурмах четырёх крепостей и отражении шведов от Петербурга и Кронштадта. После 1706 г. Меншиков подтвердил свой полководческий дар в сражениях при Добром, Лесной, Батурине, Полтаве, Тоннинге и Штеттине. Опрятный и любивший пышную одежду князь, судя по его словам, выходил на бой «с радостью» — в дорогой белой рубашке, красном камзоле, тёмно-зелёном «строевом» кафтане Преображенского полка красными обшлагами и с двумя орденами, прихватив, надо полагать,

Знамя полка пешей коронной гвардии Августа II. На мантии изображены: польский, литовский, саксонский гербы и монограмма Августа II (сверху) (по Б. Гембаржевскому).

Станислав Мацей Ржевуский (1662- 1728) – польный коронный гетман с 1706 г., в 1703-1710 гг. – пефендарий коронный, в 1710-1726 гг. – воевода подляшский, а с 1728 г. – бельзкий, с 1726 г. великий гетман коронный

любимый белый парик «львиная грива». Помимо оружия князь имел и подзорную трубу (скорее всего с нею, а не с фельдмаршальским жезлом, он изображён на прославляющей гравюре, отпечатанной в 1707 г.). Вряд ли была забыта и трубка с табакеркой. Охрану князя составляли 45 драгун из разных полков.

В сухой осенний полдень 18 октября, союзники стали готовиться к бою. При общей численности в 34 тыс. чел. (вместе с нерегулярными) в линиях было выставлено около 24 тыс. всадников. 10 тыс. казаков и калмыков стояли в готовности за Просной. Правое сильное (и почётное) крыло составили две русских линии из 17 пятиэскадронных полков (8756 драгун). Первой командовал генерал-лейтенант К.Э. фон Ренне, его помощниками были генерал-майоры Р.Х. Боур и Г.К. Пфлуг. Второй командовал генерал-майор И. Генскин. В первой линии длиной около 1,7 км были выставлены — личный гвардейский шквадрон князя (330 драгун) и восемь драгунских полков — Московский (Ренне), Сибирский (Пфлюга), Смоленский (кн. Гагарина), Владимирский (Мещерского), Новгородский (кн. Г.С. Волконского), Тверской (М. фон Шульца), Троицкий (Г. Розена) и Киевский (Боура). Во второй линии такой же длины стояло 7 драгунских полков — Астраханский (М. Неттельхорста), Нижегородский (фон Шомбурха), Рязанский (Геренсков), Петербургский (Генскина), Черниговский (Штольца), Казанский (Миленфельса), Псковский (Инфлянта) и один полк Августа II. Сзади, в третьей линии, стоял Вятский (кн. Александра Волконского) полк, который, хотя и обозначен Меншиковым «на резерве» изначально принимал участие в бою. 30 октября, уже после победы, Меншиков послал в Россию чертёж строя союзников вместе с «Ведомостью полкам драгунским, каким которой именем назначен». После баталии Меншиков изменил наименования полков. Вместо названий по именам командиров полки стали именоваться по русским городам. Чертёж сражения пока не найден, но из пояснений к нему явствует, что русские стояли не в три*, а в две линии [43]. Большинство русских драгун в чёрных треуголках и галстуках, с мушкетами на колене, парой пистолетов и палашами, были одеты в васильковые кафтаны с красной подпушкой из байки, в красные суконные камзолы и штаны на холщёвой подкладке и в синие плащи-епанчи. Кони были покрыгы разноцветными чепраками. За каждым полком прапорщики держали на бархатных с золотыми позументами перевязях белые полковые и чёрные ротные знамёна с бахромой и кистями.

Саксонское левое крыло из 14-ти трёхэскадронных полков (42 эскадрона) было короче и почти в полтора раза слабее русского. В первой линии на крупных конях в красных кафтанах выстроились семь тяжёлых полков: Кавалергарды (Garde du Corps), Конная лейб-гвардия (Leibregiment Cavallerie), три кирасирских полка — князя Александра, курпринца (тогда десятилетнего будущего польского короля Августа III), королевы, и Драгунский лейб-регимент. Во второй линии стояли драгунские полки генерал-лейтенанта фон Браузе и фон Милькау, кирасирские полки полковников фон Айхштедта, фон Герсдорфа, фон Дамница и два драгунских полка фон Гольтца и фон Шу-

* Мардефельт, Норберг и Адлерфельд, а вслед за ними шведские и польские историки ошибочно писали, что русское крыло занимало три линии.

Ян Казимир Сапега (ок.1672 - 1720), в 1708-1709 гг. – великий гетман литовский, староста Бобруйский, с 1726 г. – фельдмаршал русской службы.

ленбурга. Эти 14 полков по штатному расписанию (600 кавалеристов в каждом) должны были бы насчитывать 8400 чел., но будучи реально вдвое слабее, насчитывали видимо, менее 6 тыс. кирасир и драгун [44].

Обычно русские и саксонские эскадроны строились в три шеренги. Особого превосходства в артиллерии у союзников не было: против 10 пушек Мардефельда перед русским фронтом стояло 13, перед коротким саксонским — 4 пушки малого калибра.

Поляков было больше, чем по отдельности русских, саксонцев или шведов. Учитывая, что они не могли сражаться в линейных порядках, их разместили позади второй линии, уступом назад. Хоронгви польного коронного гетмана Станислава Матея (Матеуша) Ржевуского поставили за русскими, а за саксонцами — конников Сенявского. Всех поляков сгруппировали по 500 чел. по примеру драгунских полков. «Во время самой битвы [поляки] оставались в бездействии, как и калмыки и казаки, но оказали большую помощь в преследовании врага» — сообщал Меншиков [45]. Численность сандомирян варьируется в разных источниках от 10 до 16 тысяч. Польский военный историк Я. Виммер принял, возможно, наиболее достоверную численность в 10 тыс. чел. Третья двойная «польская линия» со времён Адлерфельда неточно изображалась двумя укороченными «крылышками» на флангах. 12 шляхетских хоронгвей «польского Гектора» Адама Шмигельского и два неполных полка саксонских драгун, фактически два эскадрона, и находились в полумиле за леском и ручьём, протекающим через д. Косьцельна Весь, перекрывая путь в Познань.

Всадники валашской хоронгви 1702-1703гг. (по Б. Гембаржевскому).

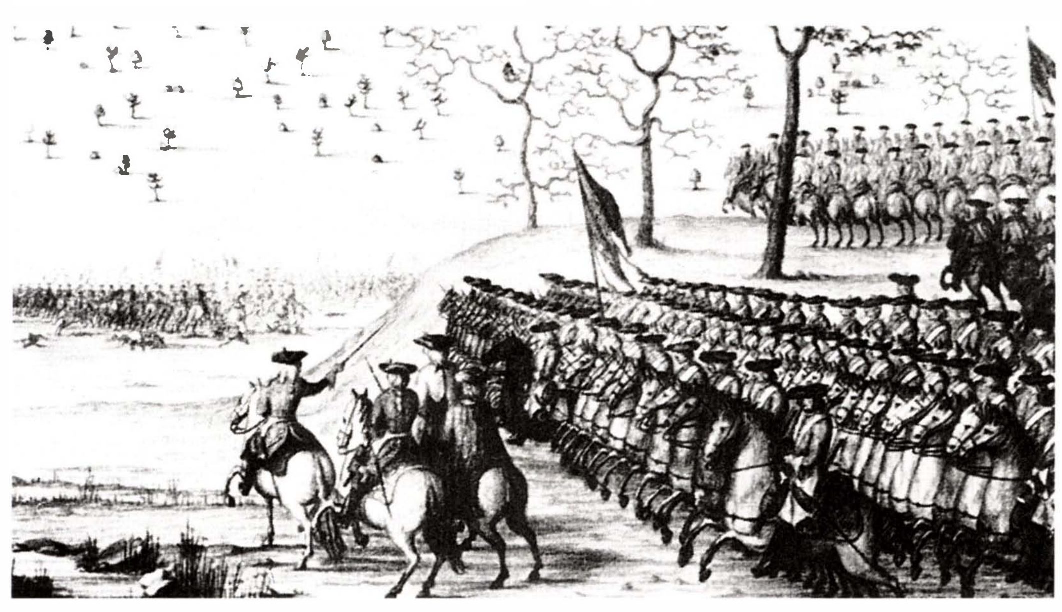
На 3-4 км вытянулись 24 тыс. союзников против 17 тысяч войск Карла XII и Станислава I. Мардефельт полагал протяжённость фронта в шведскую полумилю — 3 км. Вид союзных войск не мог не произвести впечатления: «В полдень начали появляться части неприятеля и тут мы убедились в его силе, которая превышала 30000 конных саксонцев, московитов, поляков, казаков и калмыков с семнадцатью пушками, тогда как нашей кавалерии и пехоты было всего 4358 человек шведов и 16000 поляков» — так писал после поражения граф Нильс Юлленшерна, подполковник Северо-сконского кавалерийского полка, записав иррегулярные части Меншикова в участников сражения [46]. Скорее всего, более верную численность станиславцев — 12 тыс. — указал Мардефельт.

Полагая наступление за лучший вид обороны, шведский генерал ничего не сделал для инженерной подготовки поля сражения. Мардефельт, не думал об обороне за земляными редутами, «испанскими рогатками» или повозками. Он не укрыл пехоту за стенами Калиша (осеннее-зимняя непогода, скорее всего, заставила бы союзников отказаться от осады). В головах шведских военачальников прочно сидел шаблон — разваливать линию врага стремительной атакой. (Так было во всех полевых битвах вплоть до полтавского потрясения. В Финляндии с 1713 г. против русских шведы предпочитали держаться уже оборонительной тактики).

Германский центр растянулся на 1,5 км. В первой линии стояли 15 эскадронов (выстроенных, вероятно, в три шеренги) вперемежку с четырьмя батальонами (поставленными скорее всего, в четыре шеренги). Во второй — 8 эскадронов с двумя батальонами пехоты. Батальоны имели полуметровые штыки и 6-метровые пики, которых не было у союзников. Расположение конницы среди пехоты расширяло и усиливало ударный фронт центра и давало преимущество в начале боя. Немецко-шведское ядро было одето в синие мундиры. Сам генерал занял центр второй линии.

Мардефельт впоследствии вспоминал надежду станиславцев на шведский пролом ради облегчения боя для них. Удар (как под Нарвой или при Головчине) германским «клином» в стык между русской и саксонской кавалерией и расширение прорыва польской конницей, смещённой уступом назад, могло бы (хотя это сомнительно) повысить шанс Мардефельта на успех. Размещение среди поляков части шведских эскадронов (или офицеров) было невозможно, да и не подняло бы их боеспособность. Мардефельт не стал смещать поляков назад, подобно Меншикову, а поставил вровень со шведскими полками. Справа встали в разноцветных кафтанах коронные хоронгви киевского воеводы Ю. Потоцкого. Этот фланг был прикрыт леском и вязким руслом ручья протекавшим у д. Косцельна Весь. Слева стояли литовские хоронгви Сапег под командованием польного коронного писаря М. Потоцкого, великого литовского гетмана Казимира Яна Сапеги, а также бобруйского старосты Яна Сапеги. Для поднятия духа жёны обоих Потоцких раздавали с коней пороховые заряды жолнёрам. В середине коронных и литовских войск были рейтарские полки. Несколько хоронгвей находилось между первой и второй линиями. Было немного иррегулярной конницы и из татар, осевших в Литве со времён Витовта. Нет ясности о месте десяти пушек (3 — 6-фунтовых, калибром 74-93 мм). Возможно, ими усилили слабые польские крылья. Одна валашская рота следила за мелким бродом у д.Косцельна Весь, две наблюдали за противником у д.Добжец.

Атакующий строй шведских эскадронов Карла XII

«Прежестокий бой»

Боевой дух союзников не был равноценным. Над саксонцами и сандомирянами довлела слава шведской непобедимости. Саксонцы с 1701 г. были биты во всех 6 полевых сражениях (Западная Двина, Клишов, Пултуск, Пуниц, Варшава, Фрауштадт), поляки вчистую проиграли 5 боёв (Клишов, Салаты, Якобштадт, Шкуды, Варшава). У русских наоборот, «нарвский страх» 1700 г. после локальных побед под Эрестфером, Гуммельсгофом, штурмов Нарвы и Дерпта в 1704 г. практически испарился. Драгуны царя восстановили свою силу после гродненской блокады. Не прошло даром и поражение при Гемауэртгофе в 1705 г.: кавалерия при атаках приучилась не рваться вперёд, не ломать строй и не кричать. Подражая шведам, уже пытались «приводить в конфузию неприятеля едиными голыми шпагами» [47].

В этот раз у шведов не было главного фактора их военного счастья — вдохновляющей воли короля. И этот факт не мог придать им уверенности в бою. Вместе с тем каролинцы знали, что саксонцы, русские и поляки многократно были биты их меньшими силами. На профессионализм командиров — Крассау, трёх Горнов, Мюллера, Маршалька, можно было полагаться. Тыл и фланги были прикрыты Просной с заболоченными берегами и двумя ручьями. После вести от Карла XII о мире с Августом, были все основания думать, что выбитые из войны саксонцы, вряд ли будут стойко держаться.

Из-за саботажа Августа сражение началось, когда уже начало смеркаться (на широте Калиша солнце 18 (29) октября заходит в 16.13). Этим Август давал противнику дополнительный шанс снизить потери и, может быть, ускользнуть, пользуясь темнотой. Трёхчасовая «полная баталия» завязалась между тремя и четырьмя часами (Г. Адлерфельд) с залпов пушек. Сведений об эффективности перестрелки нет — вполне вероятно, что при малой плотности огня потери от мелких ядер не были велики. Союзники начали движение первыми, но Мардефельт тут же послал вперёд своё пёстрое воинство с традиционным кличем «С Божьей помощью!».

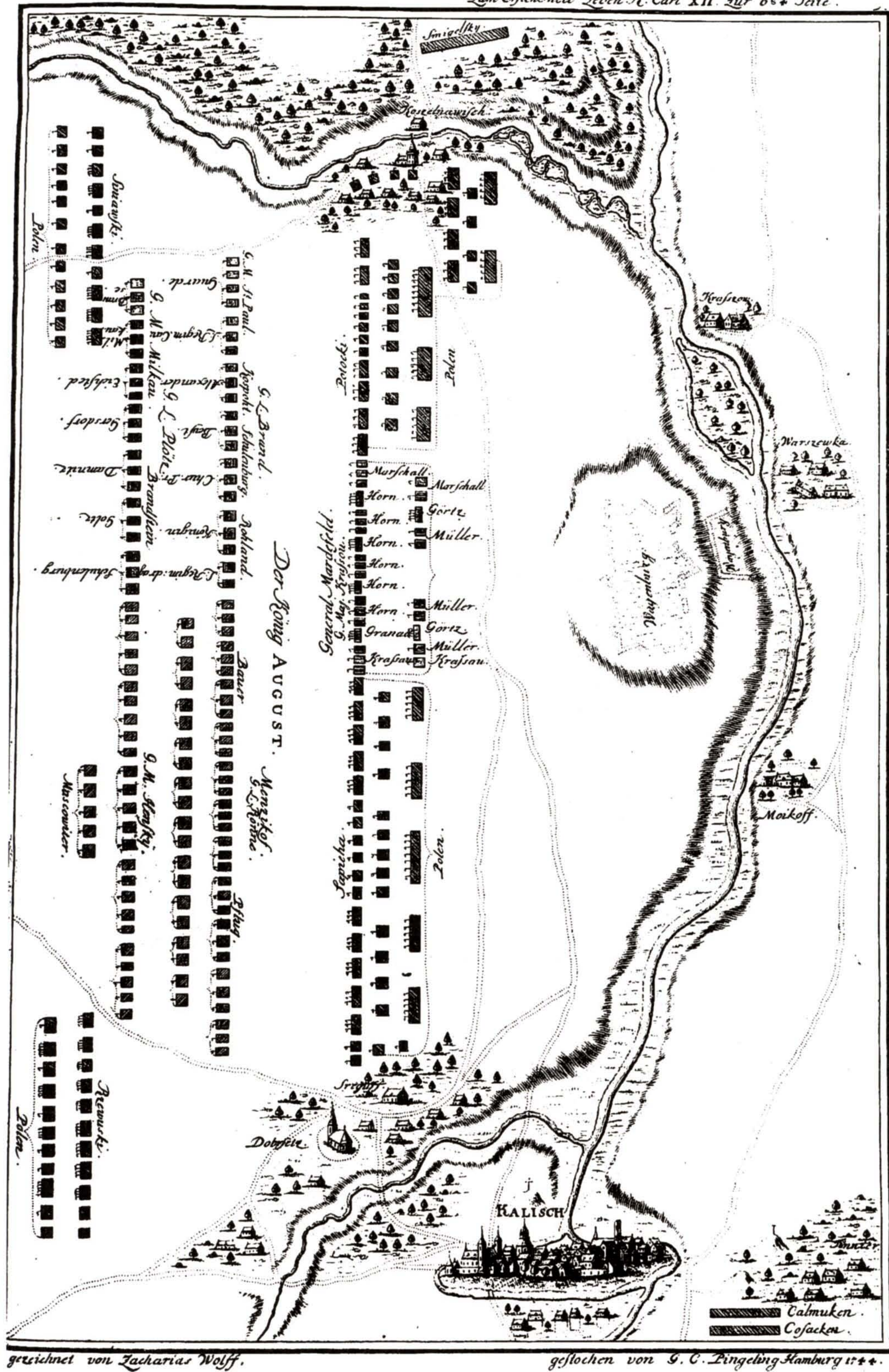

Неизв. грав. первой четв. VIII в. Портрет барона К.-Э. Ренне. 1700-е гг.

На сухом плоском поле длинные линии сближались ровно, хотя из-за чёрного дыма орудий и поднявшейся пыли эскадроны едва видели друг друга. На русских надвигались поляки и четыре пятых корпуса Мардефельта, на саксонцев — помимо поляков, лишь 5 его эскадронов и 1 батальон. «Три эскадрона Маршалька, батальон Хорна и 2 эскадрона сконцев сошлись с саксонцами, которые размахивали обнаженными шпагами» [48].

Будь у Мардефельта только «природно-шведские» полки, его прорывная атака, возможно, дала бы результат. Но духа «польского рыцарства» хватило только на несколько минут. Едва линии сблизились на ружейный выстрел, как оба польских крыла почти одновременно рухнули — сначала весь правый фланг, а «не прошло и четверти

Схема Калишского сражения (по Г. Нордбергу)

Zum Ersten Theil Leben K. Carl XII. zur 684 Seite.
Der König AUGUST.
KALISCH
Warszewka
Moikoff
Calmuken.
Cosacken.
gezeichnet von Zacharias Wolff.
gestochen von G. C. Pingeling Hamburg 1744.

часа, как бежали литовцы» (А.А. Мардефельт). (Некоторая мешкотность в четверть часа перед бегством «литовского» левого крыла объясняется тем, что оно опиралось на основную часть шведского корпуса). «Поляки, которые стояли по нашим флангам, совершенно не сопротивлялись и при первом же пушечном залпе и первом натиске обратились в бегство. Некоторые бежали до вагенбурга, который находился на расстоянии в четверть мили, другие же покинули поле и вообще исчезли» (Н. Юлленшерна). «Поляки почти сразу были опрокинуты и ударились в бегство... сломя голову» [49], часть вообще дезертировала за пойму Просны через казачьи заслоны. Бегство в первые же минуты позволяет сказать, что ещё при сближении с русским и саксонским строем станиславцы решили уклониться от боя. Паника захватила и три соседних эскадрона Верденского драгунского полка первой линии (полковник К.Г. Маршальк), но батальон второй линии, выстрелами отбросил несколько саксонских эскадронов. Бесславное поведение поляков предопределило окружение и поражение Мардефельта.

Русско-саксонский фронт (2,5 км) оказался длиннее шведского, а перевес над шведами достиг соотношения 3 : 1. Тем не менее, шведский напор продолжался. Мардефельт, не отвечая на встречный огонь рванулся вперёд и отбросил несколько русских и саксонских полков от пушек. Лейб-драгуны Августа бросили свои литавры и несколько штандартов. В русской реляции начало боя описано так: «И пополудни о дву часех зачалась пушечная стрельба (она началась позже — *В.А.*) и потом вскоре оба фронта зближились и в бой вступили. И как неприятелская пехота на наш корпус наступила, то наши немного пожались, понеже пехоты при себе не имели» [50].

Однако пролома сплошным «катком», как бывало прежде, не случилось — шведский нажим не произвёл впечатления. Меншиков и Брандт отвели часть центра первой линии за вторую. Офицеры держали твёрдый порядок и драгуны, «жестоко» отстреливаясь с коней, не спеша отъезжали.*

Тогда же кавалерия Мардефельта совершила непростительную в линейной тактике ошибку — оторвалась от пехоты и «гребёнкой» проскочила вперед. Этот конный таран не только завяз перед второй линией, но был «размочален»: русские драгуны заезжали на шведские эскадроны с разных направлений и те, бросаясь в разные стороны, теряли людей. Отставшие германские батальоны тоже окружались. Об использовании шведами временно отбитых пушек не было и речи. Вторую линию шведская конница не пробила вопреки Н. Юлленшерне, хвастливо написавшему о якобы победном успехе в начале боя: «После принятых залпов нам удалось без единого выстрела опрокинуть все три (!) неприятельские линии, а также отбить пушки, которые мы позже оставили нашей подоспевшей пехоте. Кавалерию неприятеля преследовали добрую четверть мили (2,5 км — В.А.) и всё, что можно, перебили» [51].

Два полка (Ч. Витворт) спешенных русских драгун остановили пехоту противника, а конные начали заходить во фланг шведским батальонам: «...генерал Меншиков вскоре приказал несколку шквадронам драгунским против швецкой пехоты спешится, а с правого крыла коннице на оную наступить...» [52]. Брандт по примеру Меншикова также спешил часть кавалеристов, но повторяя охват шведов слева, не показывал особого рвения.

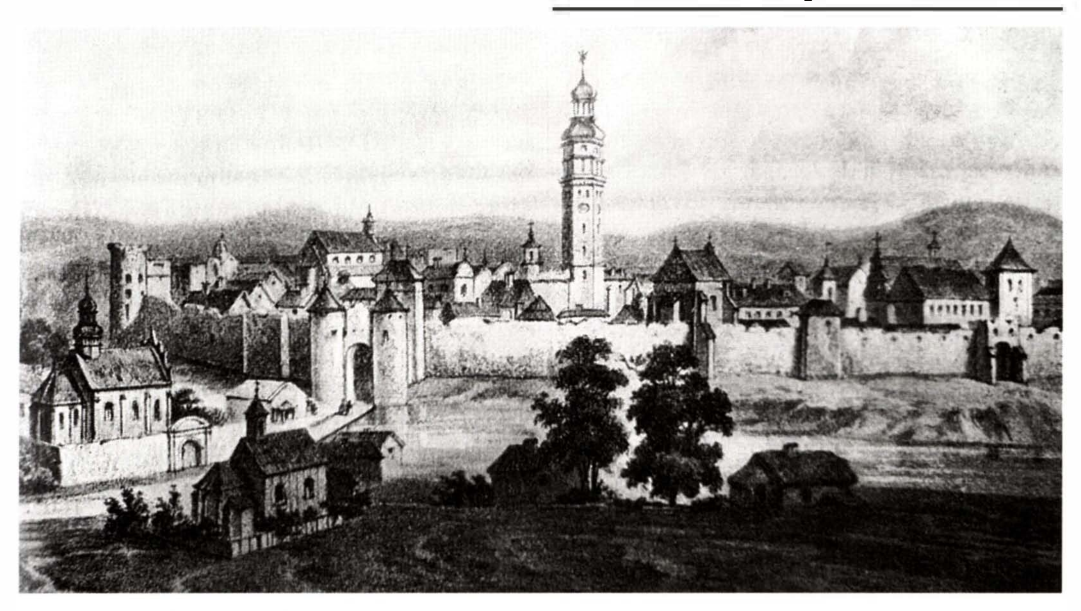
Поляки Сенявского и Ржевусского в ликвидации корпуса Мардефельта не приняли участия и не взяли ни одного шведского пленного. После фланговых охватов шведов русскими и саксонцами, конница сандомирян пустилась вдогонку за сбежавшими станиславцами и окружила вагенбург. Потери сандомирян составили не более сотни человек.

Все европейские историки отмечали предательство Августа до битвы, но никто, начиная с начала XVIII в., не указывал, что вероломство продолжилось и в самом сражении. Баталию у Калиша никак нельзя зачислить в разряд «первой и последней саксонской победы в Северной войне». Об этом позже писали историки Ю. Фельдман и К. Яроховский. Последний возвёл в «героев битвы» Брандта и Шмигельского, напавшего «в сумерках» из-за леса на правый фланг и тыл Ю. Потоцкого» [53].

«Поведение русских полков превзошло все ожидания, саксонцы же относились к делу

* Точно также проходила позже кавалерийская схватка в районе редутов под Полтавой.

** Мардефельт вообще не писал о прорыве, после которого его эскадроны наверняка не вернулись бы назад.

Вид города Калиша

очень равнодушно» — так отметил в своём донесении Ч. Витворт 13 (24) ноября 1706 г. Вполне вероятно, что Август дал своему командному составу установку «не усердствовать», дабы не привести в ярость «северного Александра Македонского», хозяйничавшего в Саксонии. Ничтожные потери в 120 чел. и захват на поле боя всего 4 шведских капитанов и 3 ротмистров [54], подтверждают «воздержанность» саксонцев в сражении. Прусский посол в Москве Кайзелинг пересказал слова меншиковского курьера, гвардии поручика П.И. Яковлева о том, что саксонцы показали «мало рвения» и Меншиков был ими очень недоволен [55].

Почти час отрезанные от пехоты шведские всадники метались, окружённые превосходящими силами. Командиры теряли свои части. Русские драгуны имея полную свободу маневра на поле, рассекали, окружали, выбивали кавалеристов мушкетными пулями, гранатами из ручных мортирок и захватывали пленных. «Многие, кто бывал в других битвах, говорили, что никогда не видели подобного огня» — вспоминал Н. Юлленшерна.

Генерал-майор Е.Д. Крассау с пятью сотнями сконских кавалеристов проскочил (или был выпущен?) сквозь строй саксонцев на дорогу в Познань, улизнув от конницы А. Шмигельского. В некоторых источниках указано, что он пытался, но не смог в темноте пробиться к Мардефельту. Около шести сотен человек сбежали в Калиш.

Поражение становилось очевидным и можно было капитулировать. Агония осколков шведских полков проходила почти в темноте: перемешанные части пехоты и кавалерии, отстреливались и пытались бросаться на неприятеля, заходящего с флангов и тыла. На короткое время остаткам пехоты и конницы удалось частично соединиться. На шведские штыки и пики кони не шли и союзникам пришлось даже вторично отойти, кружа вокруг и непрерывно стреляя из фузей. Большинство шведских конных полков и батальонов было рассеяно, а около трёх сотен человек пленено в разных местах. В эскадронах из 108-112 всадников оставалось не больше 30 невредимых. В Северо-Сконском полку из 42 офицеров все, кроме шести, были перебиты или ранены.

Мардефельт в оправдание писал, что пытался снова собрать линию и рассылал посыльных, но «ужасная пыль и дым мешали увидеть людей». Военные историки ошибочно писали, что вся шведская пехота попала в котёл и там выстроила каре. Согласно данным Я. Виммера в окружении оказалось 4 шведских батальона и 8 эскадронов [56]. На самом деле, по словам шведского командующего, в темноте вокруг него собралось совсем маленькое «батальонное» каре: справа — из людей померанского батальона полковника К. Хорна, слева — из баварского лейб-батальона полковника Г.В. Гёртца. К ним присоеди-

нились 60 кавалеристов из разных полков. Позже прибились остатки французских гренадер и несколько потерявших свои части офицеров. Это был последний очаг сопротивления в тысячу человек, надеявшийся перемещением в разные стороны присоединить ещё кого-либо. Отход к находившемуся в 1,5 км вагенбургу, куда сбежали станиславцы, или прорыв к дороге на Познань грозил большими потерями.

На первое требование сдаться шведы ответили залпом. Тогда Меншиков приказал подтащить пушки, стрелять по левому флангу каре и бить гранатами из седельных (ручных) мортирок. Баварцы Гёртца тут же рассыпались и батальон «сдался, атакуемый и опрокинутый врагом. Тогда полковник и все остальные, которые не были убиты, были взяты в плен русскими, с чем стрельба и прекратилась»[57].

Блокированный правый остаток каре (батальон К. Хорна), не подвергся артиллерийскому огню и поэтому некоторое время «дёргался» в разные стороны, надеясь присоединить к себе еще кого-нибудь. «Как только мы отходили в одну сторону, они нападали с тыла, тогда нужно было оборачиваться» — писал Мардефельт. Затяжка с капитуляцией правой части каре свидетельствует о том, что саксонцы, щадя шведов, не использовали пушек.

После первой фазы деморализации — неуверенности, наступила вторая — моральный надлом. «Хотя враг не атаковал, его эскадроны всё более и более прибавлялись» (А.А. Мардефельт). Помня о мире с Саксонией и об авансах Августа II, шведский генерал надеялся спастись в саксонских «хороших руках». Угроза окончательного расстрела русскими пушками беспомощно сжавшихся в кучу остатков человеческой массы заставила в кромешной тьме бить барабанный сигнал сдачи.

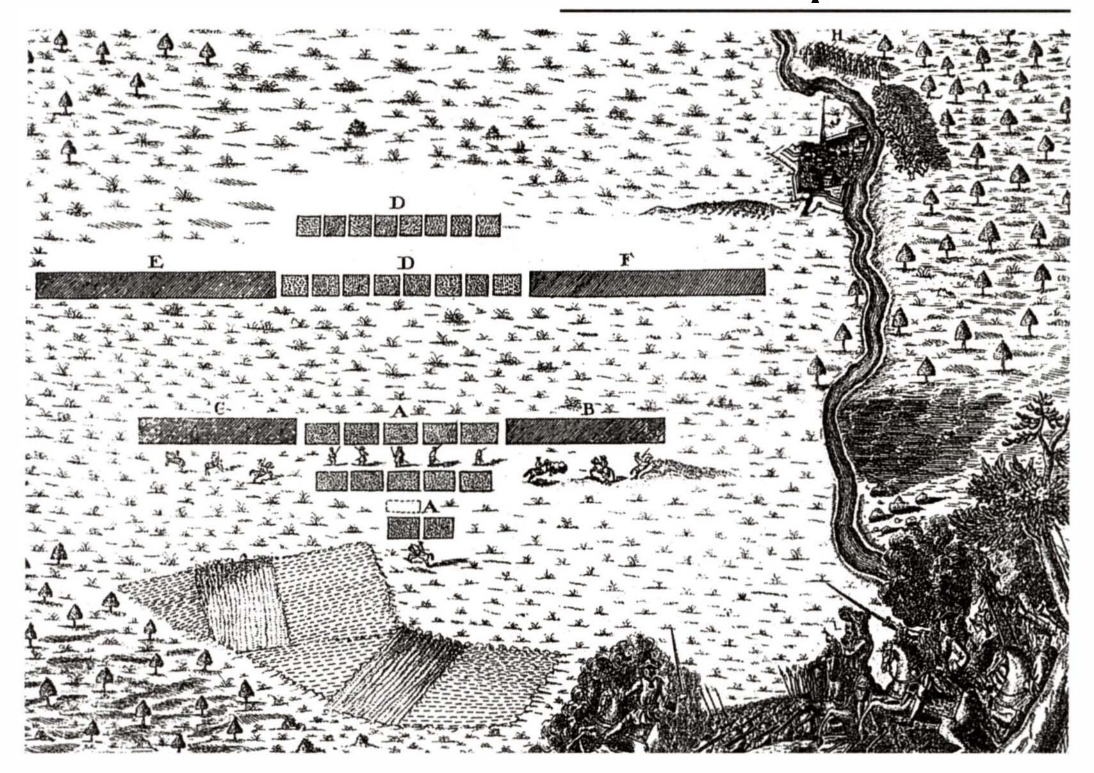
Подъехал К.Э. Ренне и выкрикнул согласие принять капитуляцию: «gut parole!» Часть выехавших шведских офицеров, заявила: «Наш генерал тоже здесь!» Ренне отобрал шпагу у Мардефельта и повёл к Меншикову, хотя шведский генерал просил отвести его к Августу II. Впервые Русская армия пленила командующего полевого шведского корпуса. При встрече Мардефельт расслышал два немецких слова торжествующего русского победителя, которые и привёл в «Реляции»: «ist gut». Всех остальных забирал в плен Р.Х. Боур. Шведы потеряли все пушки, знамёна, литавры, барабаны. В русских руках оказалось 1769 шведов, немцев, швейцарцев и французов, среди них 94 офицера. Российские войска взяли на поле боя 3 полковых медных пушки, 26 знамён, 3 пары литавр, 22 барабана, 400 солдатских ружей и 13 военных оркестрантов [58].

Мардефельта отправили к Августу, который любезно приветствовал словами: «Добро пожаловать, он останется только со мной». Вместе с прочими офицерами генерал под саксонским конвоем был препровождён в штаб-квартиру Августа с приказом не подпускать к пленным ни русских, ни поляков — «будь это даже генерал» (то есть Меншиков — *В.А.*)

Перед полуночью к польскому вагенбургу, подтащили пушки и стали бить по телегам и цепям, пробивая брешь, однако ночь вынудила ограничиться блокадой табора шестью русскими и четырьмя саксонскими полками. (Ночью через реку оттуда сбежало несколько сотен поляков во главе с М. Потоцким, Ежи Любомирским и двумя Сапегами. Часть беглецов была схвачена казаками.

Строй (ряд) шведских мушкетёров и пикинёров отражает конную атаку противника (Рис. авт.)

Оттиск с гравюры А.Зубова из «Книги Марсовой» – «план расположения русских и шведских войск в сражении при Калише 18 октября 1706 г.». 1766 г.

Утром 19 октября из вагенбурга, где осталось до 40 хоронгвей, стали кричать о сдаче и Меншиков великодушно предоставил Брандту принять капитуляцию станиславцев, а также шведов, укрывшихся в Калише. Так саксонцам досталось 829 шведских пленных, сдавшихся на «аккорд», 54 польских, 5 драгунских знамен и 5 тыс. повозок. Поляки не считались почётными пленниками и не отмечались в реляциях. Саксонцы разоружили их, отняли коней, а потом содрали кафтаны и заставили раздеться до исподнего [59]. В тот же день к Мардефельту присоединили ещё нескольких офицеров и рядовых. К ним была проявлена высшая степень учтивости, прислано вино, хлеб, напитки, приставлены лекари и дано обещание не выдавать русским несмотря на их требования. Тут же после победы Август послал Карлу XII своё «искреннее» соболезнование, обвинив русских и поляков, втянувших его против воли в сражение [60].

Всего из шведских полков было захвачено 2598 чел. — самое большое число в Северной войне вслед за полоном 1709 г. в Переволочне у Днепра (около 16 тыс.) и под Полтавой (2977 чел.). Такое количество сдавшихся свидетельствует о недостаточной стойкости шведских полков.* Чем больше войск отказалось от сопротивления, предпочтя плен продолжению боя, тем ниже моральный потенциал армии [61]. Если из общего количества 4358 шведов вычесть пленных, взятых на поле боя и в Калише (2598) и учесть пять сотен всадников, бежавших с Крассау в Познань, получится, что в сражении было перебито около 1260 чел. Шведские историки преуменьшают число убитых и раненых до 780 чел. Меншиков преувеличил значимость своей

* Величину боевого духа (Д) войск примерно можно определить отношением «кровавых потерь» (убитых и раненных) к количеству пленных, дезертиров и пропавших без вести. Под Калишем боевой дух у шведов: Д = 1260 / (2598+500) = 0,4, так как среди взятых в плен были раненные, эта величина может быть несколько выше, но она была ниже, чем у шведов под Полтавой (Д = 3,0) и даже ниже, чем у русских под Нарвой в 1700 г. (Д = 0,88).

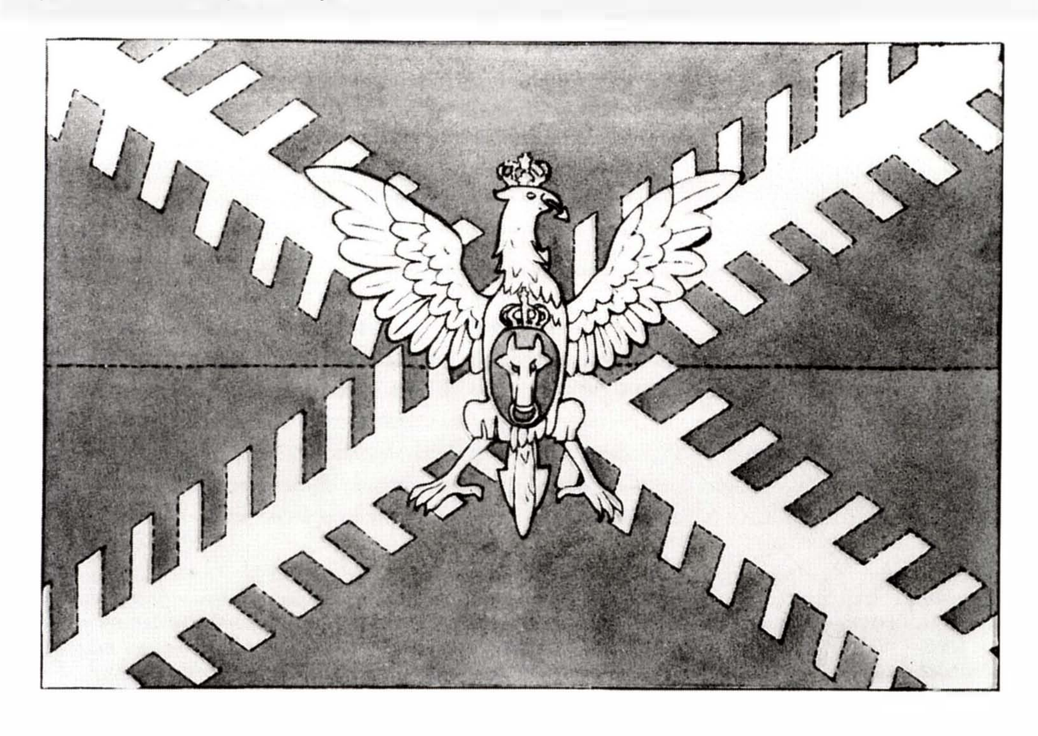
победы: по его словам, на поле осталось лежать пять тысяч шведов и тысяча поляков и валахов.

Победа была одержана малой кровью. На 20 декабря 1706 г. насчитывалось 7 убитых и 20 раненых офицеров, 98 убитых, умерших от ран и пропавших без вести урядников и рядовых — всего 450 чел., т.е. 5 % [62]. Выбыло из строя 678 лошадей. Самый большой урон потерпели Киевский (8 убитых и 55 раненых), Псковский (12 убитых и 51 раненых) и Троицкий полки (9 убитых, вместе с полковником и 42 раненых). Как раз по ним пришёлся удар шведского центра.

Потери саксонцев составляли 3 %, сандомирян — 1%. Скорее всего, большинство русских и саксонских потерь пришлось на первые минуты боя, когда первая линия подавалась назад перед шведами. В целом приходится сделать вывод, что только русские дрались по настоящему. «Германское ядро» Мардефельта всерьёз билось лишь в начале боя, а саксонцы и поляки изначально действовали вполсилы. Не случайно в Польше нет памятника Калишской баталии.

Сражение под Калишем дало русской коннице неплохой опыт перед операциями в Белоруссии и на Украине в 1708-1709 гг. При Калише, как под д.Лесной в 1708 г. и во время преследования шведов от Полтавы до Переволочны, был использован «корволант» без обоза и пехоты. На Калишских полях при пятикратно меньшем количестве пушек, чем под Полтавой, было произведено полное окружение шведского центра и захват его вместе с командующим. Количество пленных оказалось почти таким же, как и под Полтавой. Как при Лесной и под Полтавой, князь при отходе и наступлении энергично и твёрдо держал линейный порядок. Он умело провёл фланговый удар и сделал ставку, прежде всего, на огнестрельное оружие. Таким образом, к победным факторам можно отнести военный опыт Меншикова, боеспособность русской конницы, эффективное использование огнестрельного оружия и численное превосходство союзников. Меншиков «выиграл пред историею процесс свой с Огильви, показав, что русское войско не нуждается в наёмном фельдмаршале» [63]. К факторам, определившим разгром шведов, — безынициативность Мардефельта, бегство поляков и отрыв шведской кавалерии от пехоты.

Захваченное русскими пехотное знамя войска Станислава Лещинского. На груди Белого орла герб Лещинских. До 1934 г. находилось в Артиллерийском музее Петербурга, ныне в Музее Войска Польского в Варшаве. (По Б. Гембаржевскому)

Триумф

Вся тяжесть «генеральной баталии» пришлась на русскую конницу и шведско-немецкие полки. В чистом поле под Калишем «стрелы Российского орла» уничтожили корпус Мардефельта и рассеяли станиславцев. За шесть лет Северной войны не было подобной впечатляющей русской победы над такими крупными силами.

19 октября «римский князь» славил победу: вслед за благодарственным молебном при троекратном салюте из пушек был пропет гимн «Тебя, Бога, хвалим». Ликование победителя было неописумым: «такая сия прежде небываемая баталия была, что радошно было смотреть, как со обоих сторон легулярно бились, и зело чюдесно видеть, как сие поле мёртвыми телами услано... И сею преславною викториею Вашей милости поздравляю и глаголю: Виват ! Виват! Виват!» На высоту вознёс русских и Август: «без всякой лести и пристрастия большую часть радости надо приписать храбрым полкам Вашего Величества, которые воистину так себя оказали, что ни единого рядового солдата обвинить невозможно, чтоб он должность свою пренебрег». Упрёка, по его мнению, заслуживал только русский командующий, который многократно ради славы царя подвергал себя риску [64].

22 октября Меншиков устроил победный пир с военной музыкой, на который пригласил Августа, Мардефельта и всех высших офицеров. Август попросил вернуть свободу и шпагу Мардефельту, но Меншиков не расстался с трофеем и экс-королю пришлось дать шведскому генералу свою собственную. После получасового сидения Мардефельту было позволено удалиться. В отличие от ликующего русского командующего Август тревожился — предстояло оправдываться перед шведским королём, под сапогом которого была распростёрта Саксония. Он, как и Меншиков, понимал ценность квалифицированных офицеров, которых он был обязан вернуть Карлу XII. Можно представить, досаду бывшего короля, удерживавшего саксонцев от боя и оставшегося с пустыми руками. Расточая похвалы русским, Август обещал Карлу как можно скорее освободить всех пленных, несмотря на объявление Меншиковым их своей добычей. Взамен шведов саксонец, не имея никакой предварительной договорённости, сулил вызволить всех русских офицеров из Стокгольма. Лисья хитрость удалась, и он получил всю верхушку шведского корпуса — Мардефельта, полковника Маршалка, Миллера, Горна, подполковников Гилленштерна, Радона, двух майоров, 5 капитанов 1 ротмистра и пятерых поручиков и 1 прапорщика — всего 20 человек, хотя еще 21 октября Меншиков обещал царю весь полон отправить в Москву [65].

22 октября за шведские головы князь получил расписку: «Мы, Август Вторый, король польский, великий князь литовский и прочее. Объявляем сим письмом. Ибо от его милости князя Александра Меншикова в последней баталии от войск Его Царского Величества в полон взятых, а на особливой росписи писанных, швецких офицеров и рядовых нам отдано, за которых офицеров и рядовых мы в десять неделъ или кончая в три месяца в Стекгольме обретающихся московских офицеров, кроме наших, всех наперёд выменить хощем. А ежели от войск швецких (которые либо пойдут на нас из Саксонии) будет та розмена (картель) пресечена, то мы отданных швецких офицеров и рядовых всех по-прежнему до князя Меншикова или до Его Царского Величества войска отдать обязуемся. Дан в Унеове, ноября 2 дня по новому штилю 1706-го году. Август король» [66]. У посла в Польше кн. Г.Ф. Долгорукова 8 ноября 1706 г. возникли иллюзии, что через Мардефельта может быть произведён «генеральный размен» пленными между Швецией и Россией [67]. 23 октября шведские офицеры спешно отбыли в Померанию (часть — в Бреслау).

Неизвестно, простился бы князь с полоном, знай о сепаратном выходе Саксонии из войны и об отрешении Августа от польской короны. Но одно он не мог не знать — русское командование всегда без посредничества обменивало пленных. П.П. Шафиров справедливо оценил

выдачу пленных саксонцам как неуважение к царю и считал, что полон надо было отослать в Киев, откуда и вести переговоры о его обмене [68]. Ради личной выгоды «светлейший» шел даже на скандальное нарушение государственных интересов. В 1713 г. он за 5 тыс. дукатов своевольно передал в секвестр часть завоёванной шведской Померании и г. Штеттин Гольштейну и Пруссии, почти рассорив царя с датским королем и Габсбургами [69]. Прямых доказательств нет, но можно предположить, что Август выкупил шведских офицеров у Меншикова. 23 октября Меншиков заказал резиденту при Августе кн. В.Л. Долгорукову купить серебряную парчу у французских купцов [70]. В связи с этим послание экс-короля к царю от 26 октября (6 ноября) 1706 г. в оправдание «светлейшего», где «выхвалялось» упорство победителя, якобы упрямо отклонявшего передачу пленных в саксонские руки, оставляет впечатление «заказного». Меншиков де не выдал пленных после указания, что они принадлежат Августу II, как формально верховному начальнику. Потом князь затребовал предварительного освобождения из Стокгольма кн. Я.Ф. Долгорукова, А.А. Вейде, кн. И.Ю. Трубецкого и номинального генерал-фельдцейхмейстера грузинского царевича Александра Арчиловича. И лишь тогда, когда король через одного из руководителей Сандомирской конфедерации К.Ф. Шанявского и саксонского генерал-майора Ф.И. Гольца «пригрозил», что на князя ляжет вина разрыва Августа с царём, тот отдал пленных [71]. «Светлейший» великолепно знал, что Август цеплялся за помощь царя, как утопающий за соломинку.

30 октября Меншиков писал царю: «Полон весь, которой наши взяли, сегодня я отдаю королевскому величеству; а какой о том полону договор с ним у нас учинён, и с того договору, также с писма королевского величества... при сём посылаю переводы». «Гюйсеновская» апологетика князя оправдывает передачу шведов согласием военного совета, на котором, среди прочих, были генералы Ренне и Боур. Как и следовало ожидать, обмена пленными не произошло и отпущенные под честное слово шведские офицеры не вернулись. Всего Август отпустил 2500 шведов. Взятых русскими швейцарцев и французов он собирался снова включить в саксонскую армию, но Карл XII заставил их позже выдать себе.

Пётр высказал пожелание, чтобы русским отдали хотя бы Потоцкого с его людьми, но и тут Веттин, «боясь озлобить» польскую сторону, не отдал их явно, а предложил Шмигельскому «как бы отбить» от саксонского конвоя

Полковничья медаль за Калишское сражение. Золото, драгоценные камни, финифть

Наградная медаль за битву при Калише. 1706 г. Серебро, чеканка

пленное польское командование. Но эта афера развалилась.

Несмотря ни на что, триумф в России был громадный. Весть о виктории, «какой никогда ещё небывало» дошла до Москвы 12 ноября. 14 ноября она была опубликована в газете «Ведомости», а в Петербург была доставлена гвардии поручиком П. Яковлевым 15 ноября. Все городские и корабельные пушки прогремели «заздравную стрельбу кругом всего города». Три дня, вплоть до 17 ноября шли праздничные пиры — Москва и Петербург «из души и сердца благодарили Бога». По словам П.П. Шафирова, английский, датский и прусский посланники в Петербурге сравнивали «великую викторию по препорции войск» с победами герцога Д.Ч. Мальборо и Евгения Савойского над французами и баварцами при Бленхейме 13 августа 1704 г. и при Рамийи 12 (23) мая 1706 г. (там с каждой стороны сражалось по 50-60 тысяч). Пётр I говорил, что он, воздавая обильную жертву Бахусу, душой восхвалял Господа и собирался при триумфе надеть шпагу Мардефельта [72].

Европейский маршальский жезл произошел от трости или посоха, с которыми ходили командиры полков и более крупных армейских соединений как символом их власти над подчиненными им людьми и положения в обществе. Из воинских регалий и символов власти трость и маршальский жезл стали последними атрибутами армии, которые подверглись регламентации. Неповторимость трости и свобода ее выбора сами по себе являлись привилегией военной элиты. Но и здесь Великий Реформатор проявил необычное для европейцев участие. Царь собственноручно вычертил эскиз её головки для Меншикова — с двумя алмазными ободками, тремя изумрудами сверху, гербом и двумя символами на тему победы. Цена трости была определена необычайно высокой — в 3 тыс. рублей. Для офицеров в честь «преславной Богом дарованной виктории» Пётр приказал изготовить 300 золотых медалей стоимостью от 50 до 500 рублей и 50 еще более дорогих портретов с бриллиантами [73]. Офицеров наградили шестью сотнями золотых овальных медалей с погрудным образом Петра I в лаврах с надписью: «Царь Пётр Алексеевич Всея России повелитель». На оборотной стороне был изображен конный римский воин (возможно, подразумевался Меншиков) на вздыбленном коне на фоне сражения, где драгуны с двух флангов добивают шведов. Исходящая из облака рука венчает всадника лавровым венком славы. По краям надпись: «За верность и мужество». Это была первая в мире массовая военная награда. Полковники получили золотые медали в богатых ювелирных оправах из драгоценных камней и финифти, увенчанных коронами (два экземпляра сохранились в собрании Государственного Эрмитажа) [74]. Урядники награждались овальными серебряными медалями, рядовые — рублёвыми монетами. На оборотной стороне медали за победу при д.Лесной изображался такой же всадник в римских доспехах. Все подобные награды чрезвычайно ценились в Русской армии.

На празднествах в Варшаве Меншикова завалили лавровыми венками, панегириками, речами, сравнениями с Александром Македонским и Александром Невским. Были подтверждены права его гражданства в Польше и Великом княжестве Литовском. Август одарил князя бывшими владениями князя Любомирского — Полонным на Волыни и Оршей в Белоруссии. Карлу XII в порядке символической компенсации он помимо вытребованных у Меншикова шведских пленников преподнёс старый дар Петра I — дорогую саблю и карту России [75]. Из Вены Меншикову теперь уже не мешкая, выслали диплом на звание «светлейшего князя Священной Римской империи», подписанный в январе 1706 г., и даже соглашались предоставить на русскую службу генерала Гейстера и

принца Евгения Савойского, если шведский король предпримет что-либо против Германии или «паки в Польшу вступит». В ответ вместе с благодарностью Меншиков послал императору «соколов и калмыков». Победителя поздравил английский полководец герцог Джон Черчилль Марльборо. Для торжественного приёма послов и вельмож в Польше Пётр I приказал князю завести двор как у германского императора — с обер-гофмейстерами, обер-маршалами, обер-камергерами, гофмаршалами и т.д. На фронтисписе панегирика, изданного в 1706 г. в Москве портрет Петра I сопровождался надписью: «Даже отсутствуя, сокрушает врага», а Меншикова — «Становится известнее победою над столь великим неприятелем». 30 мая 1707 г. (в день рождения Петра) «римский князь» стал и «русским»: царь пожаловал ему достоинство «Ижорского князя» с титулом светлости (Грамота от 1 июня 1707 г.), а в вечное владение ему

Гравюра П. Пикарта. А.Д. Меншиков на фоне сражения при Калише. 1707 г.

и наследникам — города Ямбург и Копорье. С этого времени «сиятельный Римского государства имперский князь, Его Царского Величества губернатор Ингрии и Эстляндии, генерал над кавалерией, кавалер святого Андрея и Белого Орла, подполковник Преображенского полка, капитан бомбардирской роты от первейшей гвардии Его Величества, полковник конного и пехотного Ингерманландского полка затмил титулованную российскую знать. 1 июля

Медальон в честь Калишской победы, который предполагалось прикрепить к одной из сторон Триумфального столпа вместе с изображениями взятия Орешка, Нарвы и основания Петербурга. Бронза, чеканка

1707 г. «вернолюбезному светлейшему князю» вручили грамоту на герб, в котором среди прочего было изображение льва с двумя тростями-жезлами как эмблемой генеральства. В том же году гравёр Питер Пикарт создал два парных военно-парадных портрета: Пётр I на коне указывает скипетром на взрывающуюся Нарву, за ним свита несёт щит с российским гербом. Конный Меншиков (предположительно с подзорной трубой) изображён на фоне Калишской баталии, свита за ним несёт щит с его княжеским гербом, а трубачи трубят славу.

В честь Калишской победы, которая пришлась на день св.Луки, царь назвал сына Меншикова, родившегося 9 февраля 1709 г. — Лукой-Петром. С 1710 г. одновременно с Полтавской, в России стали праздновать и Калишскую победу — 18 октября стало «викториальным днём» [76]. В 1714 г. гравёр А.Ф. Зубов по заказу «светлейшего» на заглавном листе к книге «Леврея или венец бессмертные славы... Петру Первому...Александру Даниловичу Меншикову» изобразил апофеоз князя, где орёл поражает стрелами молний поверженного льва, а стоящие на коленях шведские офицеры отдают ему свои шпаги. Калишская победа должна была быть изображена на одном из барельефов, созданных К.Б. Растрелли в 1720-х годах победной колонны.

Последствия «неизреченной победы»

Успешный июльско-октябрьский поход в западную Польшу и калишский триумф 1706 г. имели неплохие последствия. Разгром Мардефельта вместе с воинством Потоцкого и Сапег заставил более 6 тыс. поляков перейти от Станислава I на сторону сандомирян и России. На русскую службу Меншиков принял М. Брандта и в чине генерал-майора — «благопотребного для скорых посылок» А. Шмигельского, прибавив к трём его полкам русский драгунский полк [77]. В Европе рухнул стереотип непобедимости шведов в полевых сражениях и выправился авторитет Русской армии. Шведское влияние в польско-литовском государстве резко спало. Кроме небольшого гарнизона в Познани, у шведов не осталось сил в Польше. Хозяевами там вплоть до вторичного вторжения шведской армии летом-осенью 1707 г., стали Меншиков и Пётр I. После «великой виктории» князь распространял по Европе опровержения на шведские пасквили и распорядился «рукой палача» сжигать антирусскую клевету.

На военных советах победитель предлагал рисковые планы захвата Познани и Эльблонга, чтобы окончательно покончить со шведской оккупацией Польши или на крыльях победы ворваться в Саксонию, используя поддержку тамошнего земского войска и идею сближения с императором и морскими державами на антишведской и антифранцузской основе. Но царь, в отличие от вдохновленного друга, после «превеликой и пречудной победы» считал разумнее бросить его конницу на север для «отсечения второго шведского крыла» — 10-12-тысячного корпуса Левенгаупта, который отдалился от Риги и по слухам, собирался двигаться к Полоцку, Минску или Могилёву [78].

Пока шла переписка, Август, потрафляя Карлу XII, удалил русскую конницу из Великопольши далеко на юго-восток. Ссылаясь на предзимье, он настоял на роспуске войск по квартирам

в пяти воеводствах «Червонной Руси» — от Ярослава и Жолквы до Стрыя. Свои силы Август перевел к Кракову. Обменявшись в Варшаве ратификационными грамотами, подтверждавшими договор с Карлом XII, Август продолжал пускать пыль в глаза полякам и русским. Мошенник выставил себя «триумфатором», открыл сейм и торжества в честь победы, представил генерала Мардефельта и даже пригрозил, чтобы никто под страхом огня и меча не переходил к Карлу XII и Лещинскому. 8 (19) ноября 1706 г. он заявил даже о неправомочности Альтранштадского договора и, опровергая слухи о сепаратном мире, поставил вопрос на сейме о дальнейшем вооружении [79].

Чтобы покончить с шельмовством, 5 (16) ноября Карл XII официально опубликовал шведско-саксонский договор, от которого европейские дипломаты «стали как в экстазе». Ведь договор «не только низвергал Августа с польского трона, ... но покрывал позором в глазах Европы и начисто компрометировал в Речи Посполитой и в России» [80]. Франция, Испания, Британия, Габсбурги, Пруссия и Турция признали королём Станислава I. Не только поляки, но и саксонцы отказывались верить бесчестью диктата. Перспектива освобождения от шведской оккупации испарилась. Многие магнаты и шляхтичи снова откачнулись к Станиславу I и его силы выросли до 18 тысяч. На сторону Лещинского перешли великий литовский гетман М. Вишневецкий и М. Брандт. «Польский Гектор» Шмигельский, наслушавшись, по его словам, в штабе Меншикова в Жолкве слухов «о захвате» русскими всей верхушки Коронного войска и обращении рядовых «в холопов», о размещении гарнизонов царя по польским крепостям и возведении русского генерала-победителя на польский трон, замыслил захватить князя. Вместо Меншикова он пленил генерал-лейтенанта Г. Пфлюга (тот позже сумел освободиться) и вывез Ю. Потоцкого, графа Тарло и их семьи под шведскую защиту в Саксонию [81].

14 ноября резидент при Августе кн. В.Л. Долгоруков с непростительным запозданием проведав, что саксонцы имели со шведами две тайные конференции, и что заключению договора якобы помешала «счастливая баталия», получил разъяснение от Веттина, что никаких трактатов не существует. И всего через четыре дня Василия Лукича, как обухом по голове, поразило «секретное» откровение Августа о том, что имея всего 4 тысячи саксонцев, он вынужден был заключить

Неизв. худ. Портрет Карла XII

договор «под видом, а не правдою», что он не оставит ни польской короны, ни союза с Россией, и как только Карл XII выберется из Саксонии, продолжит войну, если ему дадут русские войска и 150 тыс. ефимков [82]. Официально отрекшись от польского трона, «верный брат, друг и сосед» открылся Петру I, что хоть и отдал в жертву свои войска и саксонское курфюршество, но намерен последние дни жизни провести в верной и сердечной дружбе с Россией. Август выражал уверенность, что царь протянет ему «мощную руку» помощи, защитит от разорения и обид и будет регулярно через векселя на Л.Н. Аларта переводить ему денежные субсидии. Верхом беспардонности была просьба о переводе под его команду русских войск в Польше, «которые ему также любы, как саксонские», чтобы «при случае можно было принять меры». В конце письма лицемер «сокрушался», что вместо вторжения в шведскую Померанию, от которого прежде он сам отговорился, союзные войска, «как побеждённые», отступили на 50-60 миль от театра военных действий [83].

19 (30) ноября, тайно и затемно, пустив слух об отъезде на север в Торунь, Август в почтовой карете бежал в Краков, оставив письмо польским сенаторам, где уверял, что отправляется в Саксонию для изгнания шведов и никогда не забудет интересов своих польских подданных. Боясь, что поляки отсекут ему путь, он

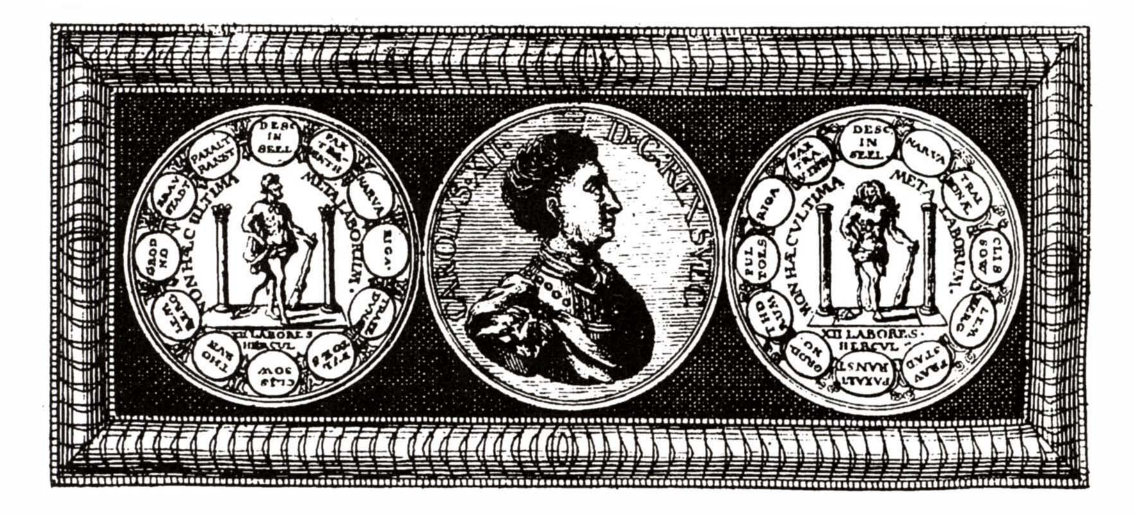
послал к Карлу XII просьбу о выделении ему конвоя и 6 (17) декабря в Лейпциге лично уверил Карла XII в своей дружбе, объяснив Калишский бой страхом расправы над ним Меншикова. В качестве очередной компенсации он сдал шведам на смерть русского министра И.Р. Паткуля, обещал выдать всех оставшихся в Саксонии русских, а своих солдат переправить в наем голландцам. В Гааге это приняли за «пронырство двоеличного принца, который никогда слова не держит» [84]. В Польшу экс-король вернулся только благодаря Полтавской победе*.

Москву потеря саксонского союзника не напугала, единоборства с Карлом XII не боялись: Русская армия находилась в хорошем состоянии, рекрут было более, чем достаточно. «А хотя б сие тако и учинилось, то иногда может быть нам к лутчему» — писал Г.И. Головкин Л.Н. Алларту из Жолквы в декабре 1706 г. [85] После «славной на весь свет баталии» вероятно, в канцелярии П.П. Шафирова была составлена язвительная антисаксонская издёвка. От имени царского шута-француза полоумного «самоедского принца де Вименея» было составлено послание, где экс-королю пенялось, что вместо ставки на «вострые шпаги», тот опозорил себя «великой хулой и явным стыдом». Он, принц Вименей, как «маршалок от баталии», с «самоедами своими мог бы и саранчу разогнать, чтоб та... польского хлеба не ела», но только из-за своей «колченогости» не может помочь саксонцам [86]. Впрочем, учитывая тайные авансы Августа, русское правительство продолжало «ласкою и обнадеживанием» держать саксонца как запасной вариант против шведов.

Все усилия русской дипломатии были теперь направлены на укрепление польского отпора шведам, выборы нового польского короля и на то, чтобы сандомиряне подтвердили договор с Россией 1704 г. и обещали пребывать в союзе до конца войны. (В январе 1707 г. когда Сандомирская конфедерация объявила межкоролевье, на Коронное и Литовское войско было выделено 50 и 30 тыс. рублей. 3 апреля 1707 г. Сенявскому и Ржевусскомубыло выдано 47 тыс. рублей [87]. 21 ноября на «консилию» под Жолкву прибыло командование пехотного корпуса: генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, генерал кн. А.И. Репнин, генерал-майор М.М. Голицын, а также канцлер Г.И. Головкин и посол в Польше кн. Г.Ф. Долгоруков. 23 ноября, на именинах Меншикова все вторично «веселились» при салюте и фейерверке. 28 декабря в Галицию спешно примчался Пётр I, который считал необходимым оставаться там до 30 апреля 1707 г.

В Центральной и Восточной Европе после Калишской победы и отрешения Августа пошли слухи о том, что царь «учинит королём польским царевича Алексея или принца Александра». Шмигельский писал после Калишской победы: «Князю Меншикову королевство Полское присовокупити хотят, к чему наши поляки под образом трактатов о пользе Речи Посполитой во всём

Шведские медали 1706 г. Перечень 12 шведских побед с изображением Геркулеса и надписью: «Это не конец его подвигов»

московское соизволение творят»[88]. Австрийский резидент в Москве О. Плейер тоже считал, что царевич Алексей и Меншиков собирались выставить свои кандидатуры на предстоящей элекции 3 августа 1707 г. Г. Гюйссен докладывал П.П. Шафирову и Г.И. Головкину, что на польский трон можно посадить князя Меншикова, Сенявского или даже гетмана Мазепу — всё равно их содержание ляжет на Россию[89]. Однако реальных шагов для продвижения «светлейшего» к польскому трону русское правительство не предприняло — выгоднее были кандидатуры принца Евгения Савойского, князя Якуба Людвига Собеского или его братьев Константина и Александра, которые могли бы способствовать заключению антишведского союза с Габсбургами. Польский историк Фельдман, усматривая в России извечного врага, писал, что этим «русский полип вгрызался в Речь Посполитую».

Шведская оккупация Саксонии (с августа 1706 по август 1707 г.) превратила Карла XII в вершителя судеб Центральной и Восточной Европы, и никто из кандидатов не решался принять польскую корону из рук Петра I. Вслед за победой над Данией и Саксонией, Карлу XII приписывались планы расчленения России, «опровержения» Римской империи и «похищения у Папы скипетра и кадильницы». Собираясь в «русский поход» в 1707 г., Карл XII «выграбил» из Саксонии 23 млн. рейхсталеров, навербовал 12 тыс рекруг и увеличил армию до 35 тысяч. В связи с этим, не оставляя «дела» избрания польского короля, в Москве не отказывались от мира или перемирия со Швецией. С весны 1707 г. активизировались переговоры со шведским посланником в Вене генералом Страленгеймом, в Лейпциге с французским резидентом при дворе Карла XII Ж.В. де Безенвалем, в Гданьске устанавливались контакты со шведами через агентов Сенявского и через прусских дипломатов[90].

* * *

Битва под Калишем 18 (29) октября 1706 г. занимает видное место среди крупных полевых баталий Великой Северной войны — Нарвской (1700), Фрауштадтской (1706), Головчинской, при д. Лесной (1708) и Полтавской (1709). Она дала первую крупную полевую победу над войсками Швеции. Победа не была случайной — она была подготовлена системной военной реформой, проводившейся Петром I и А.Д. Меншиковым. Силами кавалерии был полностью уничтожен «наблюдательный корпус» шведского короля и рассеяны хоронгви «анти-короля» Станислава I. Успех укрепил уверенность русского командования в боеспособности своей армии, а Петра I в полководческом искусстве своего любимца. Битва у Калиша доказала, что Русское войско поразительно быстро встало вровень с лучшими европейскими армиями и противник уже «не ставил более единого от своих против пяти московских». Русского «страха» перед «заколдованными» шведами (в отличие от саксонцев, датчан и поляков) уже не было: «неприятель не точию нас страшит, но и сам весьма в великом страхе суть, и паче от Калишской прежде бывшей счастливой баталии»[91]. Калишское сражение ускорило падение шведского великодержавия и приблизило становление русской гегемонии в Восточной Европе.

Битву у д.Лесной 1708 г. Пётр I справедливо назвал «матерью» Полтавской победы. Развертывая мысль великого царя, можно добавить, что Калишская битва имеет «дедовскую» степень родства с Полтавской.

Стопа с портретом А.Д. Меншикова. Нач. XVIII в. Серебро, позолота, чеканка

Примечания

1 См. письма русского посла А. Хилкова из Швеции: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 779об.-780, 789-790об.

2 Малов А.В. Конница нового строя в Русской армии в 1630-1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 119, 128; Курбатов О.А. «Оружность» русской конницы в 1630-х – начале 1650-х гг. // Цейхгауз. 2006. Вып. 23. С. 4.

3 РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 346-348.

4 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. 2036, 2049, 2065.

5 Волынской Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра. СПб., 1912. Вып.1. Кн. 2, 3; Jarochowski K. Bitwa Kaliska z roku 1706 // Jarochowski K. Z czasow saskich spraw wewnetrznych polityki i wojny Poznan, 1886; Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie Wojny Polnocnej. Warszawa, 1956; Wimmer J. Bitwa pod Kaliszem 29 pazdziernika 1706 roku // Osiemnascie wiekow Kalisza. Kalisz, 1962; Wimmer J. Die Schlacht bei Kalisz am 29. Oktober 1706 // Um die polnische Krone. Sachsen und Polen warend des Nordischen krieges 1700-1721 // Berlin, 1962.

6 Gurlitt C. August der Starke. Ein Furstenleben aus der Zeit des deutschen Barock. Dresden, 1924. S. 143-144; Nadolski D. Ware Geschichten um August den Starken. Leipzig, 1991. S. 8.

7 Wimmer J. Polskie wojsko I sztuka wojenna w czasie Wielkiej wojny Polnocnej // Studia i materialy do historii wojskowosci. Wroclaw, 1978. T. XXI. S. 360-361; Nagielski M. Polamane skrzyd?a // M?w? wieki. 2000. N 1. S. 29-35; Gembarzewski B. ?olnierz polski. Ubi?r, uzbrojenie i oporz?dzenie od wieku XI do roku 1960. Warszawa, 1962. T.2; Linder K. Dawne Wojsko Polskie. Ubi?r i uzbrojenie. Warszawa, 1960.

8 Королюк В.Д. Вступление Речи Посполитой в Северную войну // Учёные записки Института Славяноведения. М., 1954. Т. 10. С. 239-347.

9 Весной 1709 г сторонники Станислава I прямо оповещали русских представителей в Польше, что хотят иметь с царём мир: Артамонов В.А. Русско-польский союз в кампании 1708-1709 годов // Советское славяноведение. М., 1972. № 4. С. 53-54.)

10 С. Эйсиендель – мужу И.Р. Паткулю 27 января 1706 г.: Паткуль И.Р. Письма несчастного графа Паткуля. М., 1806. С. 39-44, 46, 66.

11 Август II - Петру I 22 марта 1706 г.: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. Д. 100. Л. 3 об.; Там же. Д. 96. Л. 19-22).

12 Josias Cederhielms bref // Karolinska Krigares Dagbocker. Lund, 1913. T. 8. (Далее – KKD) S. 211.

13 А.Д. Меншиков – Петру I из Киева 7 мая 1706 г.: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5 . Л. 392.

14 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 18, 18об.; Д. 9. Л. 12.

15 Долгова С.Р. Молодой Александр Меншиков в составе Великого посольства // Петровское время в лицах. СПб., 1999. С. 15-18.

16 Храмов М.И. Сподвижник Петра Великого. Документальное повествование о князе А.Д. Меншикове. Нижний Новгород, 2003. С. 31; Зелов Д.Д. Празднества семьи А.Д. Меншикова в после петровское время // Петровское время в лицах. СПб., 2001. С. 17-20.

17 Калязина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков – строитель России. СПб., 2005. Ч. 1. С. 34-35, 175.

18 Заслуги и подвиги его высококняжеской светлости, князя Александра Даниловича Меншикова. СПб., 1848. Кн. III. С. 12.

19 РГАДА. Ф.79. Сношения России с Польшей. Оп.1. 1706 г. Д. 9. Л. 12 об., 15; Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 65; ППВ. Т. 4/1. С. 263, 308-310.

20 Josias Cederhielms bref... S. 217.

21 Дьяк А.Я. Щукин – А.Д. Меншикову из Москвы 6 и13 марта 1706 г.: Волынской Н.П. Постепенное развитие ... Вып. 1. Кн. 3. С. 415-416.

22 Витворт Ч. Россия в начале XVIII в. М.-Л., 1988. С. 85.

23 Меншиков – Петру I 20 июля 1706 г.: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 417-418.

24 Волынской Н.П. Постепенное развитие ... Вып. 1. Кн. 2. С. 327-337.

25 Меншиков – Петру I 30 июля 1706 г. из Полонного: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 14об.; Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 354.

[26] Ответы мазовецкому воеводе С. Хоментовскому 18 (29) сентября 1706 г.: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 482об.

[27] В.Л. Долгоруков – А.Д. Меншикову в августе 1706 г.: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 25, 25об.

[28] Г.И. Головкин – Петру I 5 сентября 1706 г. из Киева: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 471об.

[29] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 102об.; Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 419-422, 693. Otwinowski E. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696-1728. W Krakowie, 1849. S. 108-109.

[30] Lewenhaupt A. Karl XII's officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm, 1921. S. 439.

[31] Mardefelt A.A. Arvid Axel Mardefelts berattelse // KKD. Lund, 1913. T. 8. S. 121-122; Bengtsson F.G. Karl XII's levnad till uttaget ur Sachsen Stockholm, 2001. S. 371.

[32] Kretzschmar H. Der Friedensschluss von Altranstadt 1706/1707 // Um die polnische Krone. Sachsen und Polen warend des Nordischen Krieges 1700-1721. Berlin, 1962. S. 165-170; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 438об.

[33] Bardili J.W. Des Weyland durchl. Printzens Maximilian Emmanuel... Reisen und Campagnen... Stuttgart, 1730. S. 312.

[34] П.П. Шафиров Петру I из Москвы 30 сентября 1706 г.: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн.6. Л. 528.

[35] А.Д. Меншиков – Петру I 26 сентября 1706 г.: ППВ. Т. 4/2. С. 1131-1132; РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 24. Так же смотрел на Августа и Пётр I: «Дай, дай, деньги, деньги» писал Петр I – А.Д.Меншикову 17 ноября 1706 г. из СПб.: ППВ. Т. 4/1. С. 438.

[36] ППВ. Т. 4/2. С. 1193-1195; Гистория ... Вып. 2. С. 411.

[37] ППВ. Т. 4/2. С. 1193-1195.

[38] Sarauw Ch. Die Feldzuge Karls XII. Ein quellenmassiger Beitrag zur Kriegsgeschichte und Kabinetspolitik Europas im 18. Jahrhundert. Leipzig, 1881. S. 218.

[39] Mardefelt A.A. ... S. 96.

[40] ППВ. Т. 4/2. С. 1194; Волынской Н.П. Постепенное развитие ... Вып.1. Кн. 2. С. 395. 10 тыс. поляков указано в работе: Grimorest de. Les campagnes de Charl XII. roi de Suede. A Paris, 1708. T. 3. P. 235.

[41] Adlerfeld G. Leben Karls des Zwolften auf desselben Befehl beschrieben. Frankfurt und Leipzig, 1742. T. 2. S. 380.

[42] Piltz G. August der Starke. Traume und Taten eines deutschen Fursten. Biografie. Berlin, 1989. S. 132.

[43] Nordberg G. Leben Karls des Zw?lften, K?nig in Schweden. Hamburg, 1745. T. 1; Волынской Н.П. Постепенное развитие ... Вып. 1. Кн. 3. С. 450-452; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 484об. Неточно указана численность противников в труде Павленко Н.И. (Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 31-32). При составлении карт-схем использованы материалы Г. Адлерфельда, Г. Нордберга и Я. Виммера.

[44] Wimmer J. Bitwa pod Kaliszem... S. 128; См. также сообщение А.Д. Меншикова, в письме Ч. Витворта – серу Льюису 13 (24) ноября 1706 г. из Москвы: Сб. РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 329.

[45] Ч. Витворт – серу Льюису 13 (24) ноября 1706 г.: Сб. РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 329.

[46] Gyllenstierna N. Nils Gyllenstiernas berattelse // KKD. Lund, 1913. S. 42-43.

[47] Указ Петра I от 3 октября 1706 г.: ППВ. Т. 4/1. С. 390-391.

[48] Mardefelt A.A. ... S. 115.

[49] Mardefelt A.A. ... S. 115; Adlerfeld G. ... Bd. 2. S. 381; Bengtsson F.G. Karl XII:s levnad. Stockholm, 2001. S. 368-372.

[50] Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 272. Меншиков – Петру 21 октября 1706 г.: ППВ. Т. 4. С. 1195; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 489-491.

[51] Gyllenstierna N. ... S. 43.

[52] Гистория ... Вып. 1. С. 272.

[53] Jarochowski K. ... S. 428-429. Я. Виммер тоже необоснованно назвал Брандта «спасителем битвы в кризисный её момент» Wimmer J. Bitwa pod Kaliszem... S. 132.

[54] Гистория... Вып. 1. С. 272-273.

[55] Bushkovitch P. Peter the Great. The struggle for power 1671-1725. Cambridge, 2001. P. 253.

[56] Wimmer J. Bitwa pod Kaliszem... схема 4.

[57] Mardefelt A.A. ... S. 116. В конце боя, возможно, принимали участие калмыки и казаки: Otwinowski E.Dzieje... S.106-107.

[58] Гистория... Вып. 1. С. 273; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 478об.-480. Некоторые публицисты пишут, что «кровожадные русские» порешили 5 тысяч – всех, кто попал им в руки: Svankmajer M. Petr I. Zrozeni imperia. Praha, 1999.

[59] Jarochowski K. Bitwa Kaliska... S. 435-437.

[60] Feldman J. Polska w dobie e Wielkej wojny Polnocnej 1704-1709. Krakow, 1925. S. 197.

[61] Артамонов В.А. Боевой дух армий России и Швеции 1700-1714 гг. (на материалах полевых сражений) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII-XX вв. Материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006. С. 151.

62 Табель потерь см.: Волынской Н.П. Постепенное развитие ... Вып. 1. Кн. 3. С. 450-451. Под Полтавой Русская армия потеряла 10 %.

63 Соловьев С.М. История России с древнейших времён. М., 1962. Т. 8. С. 147.

64 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. № 113. Л. 5-12; ППВ. Т. 4/1. С. 464-466.

65 ППВ. Т. 4/2. С. 1195-1197; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 489об.-490.

66 Гистория ... Вып. 1. С. 132.

67 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 85-86об.

68 Ч. Витворт – Гарлею из Москвы 26 ноября (7 декабря) 1706 г.: Сб. РИО. т. 39. С. 336.

69 Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 52-53.

70 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 23.

71 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. Д. 114; Гистория... Вып. 2. С. 412; Устрялов Н.Г. История царствования... Т. 4/1. С. 529; Т. 4/2. С. 439-440.

72 РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 393об.; Ч. Витворт – статс-секретарю Гарлею 18 (29) декабря из Москвы: Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 344.

73 О. Плейер – императору Иосифу I 24 декабря 1706 г. из Москвы: Устрялов Н.Г. История царствования ... Т. 4/2. С. 659, 661; Ч. Витворт // Сб. РИО. Т. 39. С. 327; Дуров В.А. Наградные медали России первой четверти XVIII в. // Нумизматический сборник. М., 1977. Ч. 5.Вып. 2. С. 107.

74 Щукина Е.С. Медали Северной войны // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 393; Дуров В.А. Самые знаменитые награды России. М., 2000. С. 21.

75 Гилленкрок А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 8.

76 Агеева О.Г. «Величайший и славнейший более всх градов в свете...» – град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999. С. 253. В 1724 г. эта дата была выведена за пределы «викториальных дней» возможно, в связи с подсудностью Меншикова: Погосян Е.А. Пётр I – архитектор Российской истории. СПб., 2001. С. 26. См. также: Калязина Н.В. Материалы к иконографии А.Д. Меншикова (прижизненные портреты) // Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 77.

77 РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 462об.; Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 31.

78 Пётр I – А.Д. Меншикову 17 ноября 1706 г. из Петербурга: ППВ. Т. 4/1. С. 431, 437; РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 488; Кн.6. Л. 393; Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 5. Л. 19-20.

79 Adlerfeld G. ... S. 383; Kretzschmar H. ... S. 167; Fryxell A. Geschichte Karl des Zwolften. Leipzig, 1868. S. 135.

80 Hassinger E. Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland 1700-1713. Munchen, 1953. S. 197; Feldman J. ... S. 193.

81 Пфлюгу удалось бежать от Шмигельского см. письмо Ч. Витворта от 31 января 1707 г.: Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 39. С. 359; ППВ. Т. 4/2. С. 1199; РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 99-100; Д. 9. Л. 29об.

82 Донесение кн. В.Л. Долгорукова из Варшавы от 14 ноября 1706 г.: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 23об. В.Л. Долгоруков – Петру I 20 ноября: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5. Л. 121, 466-468; Соловьёв С.М. История... Кн. 8. С. 148. Тогда же Август просил выслать в Великопольшу шведский конвой, чтобы прикрыть своё отступление: Danielson J.R. Zur Geschichte der s?chsischen Politik 1706-1709. Helsingfors, 1878. S. 18.

83 Август II – Петру I 20 ноября 1706 г.: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. Д. 115. Л. 6.

84 Андрей Матвеев - из Гааги 20 декабря 1706 г.: Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 43об. Об оценке Калишской баталии Августом при повторном восшествии на польский престол см.: Manifest Ihrer Konigl. Majestat Konig Augusti II... bey dero angetretenen Marche in das K?nigreich Polen im Jahr 1709.

85 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 5. Л. 27об.

86 «Грамотка к его величеству Августу, королю польскому от его светлости принца и кардинала Вименея из Санкт-Питербурха 25 декабря 1706 г.»: РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 394-395. О передаче кн. В.Л. Долгоруковым какого-то письма «господина Вымени» Августу есть упоминание в материалах Госархива: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 75.

87 РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 3. 1707 г. Д. 71; Заслуги и подвиги. Кн. 4. С. 12-13, 21.

88 Г. Гюйссен – А.Д. Меншикову 19 марта 1707 г. из Вены: ППВ. Т. 5. С. 563; РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 99-100.

89 Донесение О. Плейера 26 января 1707 г.: РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 5. 1690-1717. Д. 13. Л. 35; Оп. 1. 1707 г. Д. 4. Л. 263, 278.

90 Артамонов В.А. Освободительная война в Венгрии и славяне 1703-1711 гг. М., 1977. С. 54. (Рукопись автора).

91 ППВ. Т. 4. С. 242.

Содержание

Герб А.Д. Меншикова

Конец боя у Калиша

Калиш

Просна

Косьцельна весь

на Познань

Добжец

русские

казаки, калмыки

саксонцы

поляки

шведы

На 4-й странице обложки:

Вверху-слева: *Светлейший князь А.Д. Меншиков. Неизв. худ. первой четв. XVIII в.*

Вверху-справа: *А.Д. Меншиков в парадных доспехах полководца. Неизв. худ. первой четв. XVIII в.*

В центре: *Бронзовый медальон в честь Калишской победы, который предполагалось прикрепить к одной из сторон Триумфального столпа вместе с изображениями взятия Орешка, Нарвы и основания Петербурга*

Внизу: *Вид города Калиша*

«Калишская баталия» открывает серию книг «Дела Марсовы», посвященную европейским войнам куртуазного XVIII в. Эта эпоха, войны которой европейские историки называют «войны в кружевах», закончилась Великой французской революцией. Последняя решительно преобразила не только политическую карту Европы, но в конечном счете – и характер сражений и войн, и сами сражающиеся армии. В рамках серии планируется выпустить следующие книги: «Сражение при Лесной. 1708.», «Австро-русско-турецкая война. 1736-1739.», «Война за Польское наследство. 1733-1735.», «Полтава. 1709.», «Северная война на Гетманщине» и ряд других.

ISBN 978-5-9771-0079-3
9 785977 100793